

Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей

© 2019

Дмитрий Владимирович Сичинава

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; mitrius@gmail.com

Аннотация: В статье излагаются сведения о пространстве семантического и формального варьирования плюсквамперфектных конструкций в славянских языках на типологическом фоне; особое влияние уделено также ареальному контексту. Работа опирается на данные параллельных корпусов, а также на материалы анкетирования.

Ключевые слова: грамматическая типология, плюсквамперфект, полисемия, славянские языки

Для цитирования: Сичинава Д. В. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 30–57. DOI: 10.31857/S0373658X0003593-1.

Благодарности: Работа над статьей выполнена в МПГУ при поддержке гранта РНФ № 16-18-02003.

Slavic pluperfect: loci of variation

Dmitri V. Sitchinava

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences;
National Research University Higher School of Economics; mitrius@gmail.com

Abstract: The paper explores the space of semantic and formal variability of pluperfect constructions in Slavic against a wider typological background; the areal context is also addressed. The study is based both on parallel corpora and typological questionnaires.

Keywords: grammar typology, pluperfect, polysemy, Slavic languages

For citation: Sitchinava D. V. Slavic pluperfect: loci of variation. *Voprosy Jazykoznanija*. 2019. No. 1. Pp. 30–57. DOI: 10.31857/S0373658X0003593-1.

Acknowledgements: The research is supported by the grant of the Russian Scientific Fund No. 16-18-02003 and completed at the Moscow State Pedagogical University.

1. Введение

Сравнительное, типологическое и ареальное исследование плюсквамперфекта в славянских языках — тема, которой в последние два десятилетия посвящено немало работ. Активно изучается связь плюсквамперфекта с грамматическими категориями славянского глагола — таксисом, видом, модальностью и залогом. Этому «прорыву» способствовали открытия в типологии видо-временных категорий, в которой плюсквамперфект играет нетривиальную самостоятельную роль (см., прежде всего, [Dahl 1985; Squartini 1999; Plungian, van der Auwera 2006]).

Специально эта проблематика вынесена в название нашей книги «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» [Сичинава 2013]. Однако она там освещена прежде всего на современном восточнославянском материале, а также с учетом праславянской

и древнерусской предыстории. Только для восточнославянских данных (и в меньшей степени для болгарского плюсквамперфекта) здесь используются корпусные источники. Формы остальных славянских языков там разбираются сравнительно кратко, со ссылкой на работы предшественников (ср. обоснованную критику другой нашей работы за некоторое упрощение трактовки сербского материала в [Поповић 2012]).

В настоящей статье мы даем обзор того, что сейчас известно о славянских плюсквамперфектных формах в формальном и семантическом отношении, в типологическом и ареальном контекстах. Раздел 1 посвящен общему введению в проблематику, раздел 2 — разнообразию (квази)синонимичных форм плюсквамперфекта. Полисемии плюсквамперфекта специально посвящен наш доклад [Сичинава 2018в] на Международном съезде славистов в Белграде; его материал с некоторыми дополнениями используется и в настоящей работе (раздел 3). В разделе 4 ставится вопрос о том, каким образом это многообразие значений распределяется между различными сосуществующими в славянских глагольных системах плюсквамперфектными формами. Раздел 5 посвящен связи между наблюдаемой картиной семантики и формального устройства плюсквамперфекта в славянских языках, с одной стороны, и ареальными контактами славянских языков друг с другом и с неславянскими соседями, с другой стороны. Наконец, в разделе 6 кратко обсуждаются близкие к плюсквамперфекту структурно и семантически формы с сериализованными глаголами типа *быть* и *бывать* (ср. русск. *гулял я бывало*).

Привлекаются источники и данные, не использованные в нашей книге, в частности, данные корпусных исследований (вслед за А. Барентсеном мы используем, в том числе, материалы многоязычного параллельного корпуса) и анкетирования информантов. Остановимся подробнее на последней процедуре. Информанты (носители языков / диалектов, где имеется плюсквамперфект) переводили на свои родные языки специальный вопросник (обозначаемый ниже как PQQQ)¹. Им предлагалось перевести каждое предложение наиболее приемлемым для себя образом, а также ответить на вопрос, возможна ли в данном предложении в соответствии с выделенными глагольными формами плюсквамперфектная конструкция (и если да, то в каком дополнительном контексте). Предложения анкеты были подобраны так, чтобы охватить большинство разнообразных контекстов, характерных для плюсквамперфекта в языках мира. Некоторые из этих предложений были основаны на реальных предложениях из параллельного корпуса, где в нескольких языках встретился плюсквамперфект, или на примерах из лингвистических работ, в том числе из известных видо-временных анкет Эстена Дала [Dahl 1985; 2000 (ed.)].

2. Многообразие форм

На праславянском уровне выявляются три формы плюсквамперфекта с синтетической формой вспомогательного глагола: две хорошо известные, с разными формами претеритов вспомогательного глагола *běaše* и *bě* (+*ь*-форма) и очень редкая с основой связки *by-*. Согласно нашей гипотезе, именно эта последняя форма, изначально имевшая плюсквамперфектное значение, дала начало условному наклонению в большинстве славянских языков [Сичинава 2004; 2013: 169–186]. Однако в верхнелужицком и сербохорватском (а также его языках-наследниках)² она сохранила темпоральные употребления. Неплохо известная

¹ Благодарю П. М. Аркадьева, М. Бенича, Е. А. Галинскую, Т. С. Ганенкову, Я. А. Пенькову, Н. В. Перкову, М. Ухлика и других коллег за помощь в распространении анкеты среди славянских и неславянских информантов.

² Далее, говоря о сербохорватском, с одной стороны, и сербском, хорватском и боснийском, с другой, я воспроизвожу определения, имеющиеся в источниках. В соответствии с источниками выбирается и запись кириллицей или латиницей для сербских / сербохорватских примеров.

в древнечешской письменности [Vondrák 1928: 150; Dostál 1967: 195ff], в самые последние годы она описана и в восточнославянской традиции; ср. два примера с *бы*-формой без ирреального значения в Софийском прологе [Крысько 2011: 830–831] и пять в Ипатьевской летописи [Скачедубова 2016: 286–287]: *но мѣи на преднее возвратимсѣ . якоже прежде почѣахъ вѣхъомъ* (Галицко-Волынская летопись по Ипат., 1207, л. 247). Р. Н. Кривко сообщил нам интересные примеры из «Слов против ариан» Константина Болгарского (русская рукопись конца XIV в.), демонстрирующие форму 3 л. аориста *бы* (и даже вариант *бысть*, обычно как вспомогательный глагол не употребляющийся) как связку для плюсквамперфекта индикатива, а также характерную для юго-запада славянской зоны оптативную форму *би* вместо аориста, в частности: *аште бо бы слава бѣу была. не сътвориши вышнѣаа. ничимъ же мѣне бы словоу* (вместо: слово — Λόγος) *оу бѣ было, и вѣ немъ би отьць* (ContrAg II, 221) ‘если даже и была бы слава для Бога не сотворить сотворённое, но ничем не было [в греческом оригинале имперфект] меньше Слово, которое к Богу, и в нём был Отец’.

Весьма рано в памятниках появляется также «сверхсложная» форма (термин — калька с французского *passé surcomposé*; такие формы — ареальное явление в Евразии, см. [Сичинава 2013: 125–166] и указанные там работы) с аналитическим перфектом вспомогательного глагола *былъ jestь* (в третьем лице связка обычно опускается), в более поздний период ставшая основной почти на всей славянской территории, вытеснив формы с *běaše* и *bě* во всех языках, кроме болгарского, македонского и лужицких. В болгарском и македонском эта «сверхсложная» форма функционирует в качестве претерита эвиденциальных наклонений, причем в македонском она носит маргинальный характер. В лужицких языках эта форма вышла из употребления и не закрепились нормативно, хотя в прошлом в ряде говоров конкурировала с *bě*-формой и даже вытесняла ее, а в письменных источниках XVII–XVIII вв., особенно в нижнелужицких, отмечена нередко, часто в качестве перевода латинских форм конъюнктива [Werner 1996: 159–168]³. Сверхсложная форма известна в древнерусской письменности с раннего периода, надежно засвидетельствована несколькими примерами (включая берестяные грамоты и найденное в 2017 г. граффито церкви Благовещения на Городище: *А се ст(ы)р(а)та был(ъ) выложи(ъ)* ‘а вот Стырята [начал было] записывать [азбуку, но не дописал]’ [Гиппиус, Михеев, в печати]) в XII в., есть она и в древнечешском [Dostál 1967; Чернов 1961], и нет оснований считать ее поздней инновацией, как иногда делается⁴. Возникновение ее связано с системными сдвигами, ведущими к утрате аориста и имперфекта; характерно, что именно в языках, где эти времена устойчиво сохраняются, сверхсложные формы маргинальны и поздно возникают (в болгарском они датируются только XV–XVI веками, причем допускается сербское влияние [Фридман 1983: 113]).

Такое разнообразие форм приводит исследователей к мнению (ср. [Dostál 1967]), что ранний славянский плюсквамперфект был неустойчивым образованием глагольной парадигмы. На самом деле разнообразие плюсквамперфектных форм — обычное явление в языках мира, где имеется более одной формы претерита вспомогательного глагола: их возникновение, конкуренция, семантическая спецификация и отмирание представляют собой отдельный сюжет грамматикализации видо-временных значений во многих языках (см. в [Сичинава 2013: 44–103] особую главу о нескольких системах плюсквамперфекта).

В восточнославянской зоне, сверх того, имеются дополнительные формальные изменения сверхсложной формы: она утрачивает вспомогательный глагол настоящего времени

³ В обоих лужицких языках известен также тип сверхсложной формы, образованной от плюсквамперфекта с имперфектом вспомогательного глагола («гиперплюсквамперфект») типа *beše byl činil* [Werner 1996: 162, 164]). Его надо сопоставлять с немецкой формой *hatte gemacht gehabt*, отмеченной наряду со сверхсложной формой *hat gemacht gehabt* (ср. известный пример из Гёте: *Mignon hatte sich versteckt gehabt, hatte ihn angefaßt und ihn in den Arm gebissen* ‘[Он почувствовал сильную боль:] это Миньона, которая (еще раньше) спряталась, схватила его и укусила ему руку’).

⁴ Для полноты картины надо упомянуть гиперкорректные формы, где вместо *л*-причастия выступает аорист: *бѣ бо възложи на нь гривну злату* в Ипат.

не только в третьем лице (что известно и некоторым другим славянским языкам), но и в первых двух, а затем вспомогательный глагол *быть* в *л*-форме движется в сторону утраты согласования по числу и роду. Тем самым получающаяся частица (в литературном русском имеющая вид *было*) становится неизменяемым показателем ретроспективного сдвига [Плунгян 2001], присоединяющимся к форме прошедшего времени (применительно к другим славянским языкам схожий анализ есть уже в работах [Kryński 1910: 215; Vondrák 1928]). С XVII в. известны случаи и фонетического видоизменения этой энклитической частицы: изменение качества гласного ([ы] > [ъ], о чем свидетельствует запись типа *бола* при *было* в случае полнозначного глагола), утрата конечного согласного (случаи типа *пошла был*), то и другое вместе (*бал*) [Сичинава 2013: 210]. В силу этого примеры в рукописях типа *пошълъ былъ* вне рассмотрения в контексте не могут считаться однозначным свидетельством сохранения согласования. Несогласуемая частица *был* в настоящее время известна в муромских говорах [Тер-Аванесова 2016].

В великорусском центре процесс утраты согласования в целом датируется XVII веком; период конкуренции согласуемой и несогласуемой форм захватывает и начало XVIII в. [Мольков 2016], хотя перелом намечается с 1640-х годов [Черных 1953: 346–347]. В современных русских говорах есть случаи сосуществования согласуемого и несогласуемого *был*- (двух диахронических слоев, «layering») в составе плюсквамперфекта [Пожарицкая 2015: 393; Менгель 2007; Тер-Аванесова 2016] (несогласуемая форма в таких системах преобладает). Подобное сосуществование имеется и в современных украинском и белорусском языках (где нормой является согласуемая форма типа укр. *пішов був*, но распространяется и несогласуемая, в том числе и под русским влиянием, а также под влиянием контamination с имеющим иную семантику укр. *ходив було* ‘ходил бывало’). Соотношение этих вариантов, по-видимому, в ряде случаев семантизировано (например, данные украинского корпуса ГРАК показывают, что несогласуемое *було* чаще встречается в антирезультативных контекстах, а не в таксисных), что интересно и для реконструкции эволюции «стандартной» русской формы в XVII в.

С 1780-х годов⁵ и далее в начале XIX в. в литературном русском языке неизменяемое *было* продолжает грамматикализироваться, перестает быть маркером одной глагольной формы и начинает сочетаться с книжными причастиями, деепричастиями, нулевым глаголом (*Я от него было и двери на запор*), а позднее даже с результативными прилагательными *готовый*. Не чужды схожие явления и народной речи, ср. в муромских говорах эллипсис при инфинитиве: *Недávнь, пиред вáми, йá был вáм пýказáт’*, а оне́ ужъ вз’áли (ступу с пестом) ‘... я хотела было вам показать...’ [Тер-Аванесова 2016]. Особый сюжет в формальной эволюции русск. *было* представляет собой размывание закона Ваккернагеля и семантизация позиции частицы в клаузе (ср. предпочтительная препозиция частицы с глаголами определенных семантических классов: *я было подумал*, *я было испугался*)⁶ (см. разные аспекты проблемы в [Попова-Боттино 2009; Сичинава 2013: 237–240; 2018a]; также [Толстая 2000] о западноукраинском диалектном плюсквамперфекте). Эти формальные изменения привели и к установлению терминологической границы: русский стал единственным славянским литературным языком, в котором формы, общепринято именуемой «плюсквамперфектом» / «давнопрошедшим», нет (ср. цитируемые А. Барентсеном суждения типа «плюсквамперфект есть везде, кроме русского»), несмотря на наличие материального и семантического наследника одной из исторических славянских форм и значительную семантическую близость этой формы к «признанным» плюсквамперфектам (по крайней мере, восточнославянским).

Новые (возможно, не всегда полностью грамматикализованные) формы плюсквамперфекта возникли в тех славянских языках и диалектах, где развились разнообразные формы нового

⁵ В наших более ранних работах этот процесс ошибочно датирован только пушкинской эпохой.

⁶ Материалы украинского корпуса ГРАК (ucasopus.org) показывают, что в украинском языке также имеется аналогичный эффект: в конструкции с препозицией вспомогательного глагола особенно частотны глаголы ментальной деятельности (*подумати* ‘подумать’, *зібратися* ‘собраться’).

перфекта — в частности, в македонском (*имаше дојдено* ‘он пришел’), северных русских говорах (*у него было хожено* ‘он ходил’), кашубском (посессивный *jô miôł pisóné* и бытийный *jô bël jidzony / jidzonô* [Makùrôt 2016: 49]), разговорном польском и др. На северо-западе восточнославянской зоны (в том числе в белорусских говорах; известны попытки нормализации этой формы в литературном белорусском, включая грамматики Б. Тарашкевича) развивается, в параллель к местному перфекту на *-иш*, и новый плюсквамперфект типа *был пришедши* (*пришочка* и т. п.), ср. лит. *был выпивши*. В ряде северо-западных систем такая форма сосуществует с плюсквамперфектом типа *был пришёл* [Рыко 2002; Пожарицкая 2015]. Схожие результативные, еще не грамматикализованные формы можно обнаружить и в средневековых новгородских текстах, например, *ту наѣхаша пещеру непроходну*, в неиге *ваше множество Юди ваѣше*, т. е. ‘пещеру, в которой находилось множество чуди, забравшееся туда’ (Синод. Список НПЛ, 1268 г.; этот и схожие примеры анализируются начиная с работ А. А. Потебни; ср. подробнее [Скачедубова 2018]), и в то время *вшедъ ваше вѣсъ [вѣ] Перуна* и *нача кричати* (Новг. II лет, конец XVI в. [Jung Hakyung 2014]; ср. параллельное место в I Псковской летописи по Тихоновскому списку XVII в.: и в то время *вшелъ ваше в Перуна вѣсъ*).

Особую проблему представляет вопрос о том, в какой мере *л*-причастия в плюсквамперфектных конструкциях являются именно грамматикализованными формами финитного глагола, а в какой они сохраняют адъективную причастную семантику, свойственную им этимологически (ср. также прилагательные типа *горелый, лежалый, устарелый* и т. п.; о «характеризующем» значении этих форм в старославянском см. [Плунгян, Урманчиева 2017]). Например, М. В. Скачедубова [2016] обоснованно усматривает именно конструкцию с причастием в примере из Киевской летописи по Ипат., л. 203 об. *Андрѣи же то слышавъ ѿ Миѣна. и выѣсѣ въразъ лица его потоускнѣвъ* ‘стал потускневшим’, а также предполагает ее и для многих других случаев (см. также об этой проблеме [Скачедубова 2017]). В белорусском есть примеры, когда отрицание при плюсквамперфекте стоит не перед вспомогательным глаголом, а перед *л*-формой, что более характерно для слабее грамматикализованных форм на *-иш* (или литовского перфекта): *Правда, сыры аднойчы былі не ўдаліся* (Я. Брыль) ‘Правда, сыры однажды не удались’ (отмечено П. М. Аркадьевым). Такой порядок слов известен и в древнерусском: *Росѹ же вахоутѣ не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сѹрлина* [Киевская летопись по Ипат., 1185, рассказ о походе Игоря] ‘Русь же еще не переправилась через реку Суюрлий’.

Таким образом, с формальной точки зрения славянский плюсквамперфект изначально представлял достаточно широкое пространство возможностей, которое затем ощутимо сужалось и эволюционировало. Указанные формы по-разному делят типологически известное пространство полисемии плюсквамперфектных форм. Но для перехода к семантической стороне этого процесса необходимо очертить инвентарь значений плюсквамперфектной формы, отмеченный в славянских языках.

3. Значения славянского плюсквамперфекта в типологическом контексте

Употребительность плюсквамперфекта в различных славянских языках существенно различается [Барентсен 2015а]; так, в четырех текстах из параллельного многоязычного корпуса ASPAC эта форма встретила в верхнелужицких и болгарских текстах порядка 1000 раз (столько же или дальше больше, чем в таких языках средневропейского стандарта с согласованием и последовательностью времен, как английский или нидерландский), в хорватском языке — уже вчетверо реже, в сербском и македонском — вдесятеро реже, чем в болгарском, еще несколько реже в словенском, а в западно- (кроме верхнелужицкого) и восточнославянских языках представлена в «следовых» количествах или не представлена вовсе (без учета плюсквамперфекта кондиционала, о котором речь пойдет ниже). Ср. противопоставление «романского» типа плюсквамперфекта, обязательного в определенных контекстах,

и «славянского» типа, по преимуществу факультативного, в посвященной словацкому языку работе [Horák 1964: 287]. Семантическая неоднородность славянского плюсквамперфекта отмечена уже в одной из первопроходческих работ на эту тему [Молошная 1996].

Известна тесная морфологическая (а отчасти и семантическая) связь европейского плюсквамперфекта с перфектом, который также в параллельных текстах распространен неравномерно. Последний в языках Европы выступает в качестве «сильной» (с широким спектром значений наподобие английского), «слабой» (низкочастотная форма, в большинстве случаев вытесняемая простым прошедшим; наиболее частотное употребление, по данным [Сичинава 2016], — экспериенциальное) или «расширенной» (захватывающей сферу простого прошедшего, как в немецком или французском) форм (терминология по [Плунгян 2016]). В большинстве славянских языков представлен «расширенный» перфект, а старые прошедшие времена (аорист и имперфект) отсутствуют (и основной формой плюсквамперфекта является форма с перфектом вспомогательного глагола, так называемая сверхсложная форма; об этом феномене с типологической и ареальной точки зрения см. подробнее [Петрухин, Сичинава 2006]). Лишь в лужицких, болгарском и македонском оппозиция перфекта и двух синтетических прошедших времен неплохо сохраняется, и ее наличие коррелирует и с частотностью плюсквамперфекта в тексте (схожие эффекты наблюдаются и за пределами славянской группы: так, и перфект, и плюсквамперфект являются «слабыми» в литовском и новогреческом).

Материалы обработки параллельных текстов и типологических анкет при помощи широко используемой в типологических исследованиях (в том числе в [Сичинава 2016] для перфекта) программы визуализации расстояний между данными NeighbourNet демонстрируют различное положение плюсквамперфекта разных славянских языков в общеевропейском типологическом контексте и позволяют уточнить данные А. Барентсена, учитывающие чистую частотность. Так, по материалам многоязычного параллельного корпуса, максимально близко к западноевропейскому стандарту располагается верхнелужицкий язык (сопоставимо с такими языками, как испанский или финский⁷), в то время как болгарский и особенно македонский по использованию плюсквамперфектных форм заметно ближе к плюсу славянских языков с редкими формами плюсквамперфекта, чем любой включенный в выборку неславянский язык Европы, кроме литовского. Данные по анкетам подтверждают эти наблюдения и вместе с тем демонстрируют существенный разброс внутри языков-наследников сербохорватского: к примеру, идиолект хорватского информанта из Пулы (Истрия) сопоставим по «западноевропейскости» с латышским или (что интересно с ареальной точки зрения) итальянским, в то время как материалы анкет на кукицкий хорватский диалект и на боснийский язык тяготеют к «слабому» плюсу.

3.1. Таксисное значение

Частотность плюсквамперфекта в тексте прямо зависит от обязательности его употребления в основном значении, каковым традиционно считается таксисное — обозначение ситуации, предшествующей некоторой точке отсчета в прошедшем (ср. [Comrie 1985] и более раннюю традицию, начиная с работ Х. Райхенбаха). Грамматики большинства славянских языков описывают плюсквамперфект как форму именно с таким значением, отмечая одновременно его факультативность и маргинальность в системе, архаизацию (имеются носители, особенно молодые, не употребляющие его вовсе; употребительность ограничивается

⁷ А также, например, к таким литературным языкам с диалектной основой (vernaculars), как англо-шотландский (скотс) и немецкий гессенский диалект. Любопытно отметить, что в переводах на эти языки плюсквамперфект употребляется несколько реже, чем в текстах на стандартном литературном английском или немецком, для которых гораздо более характерна жесткая «последовательность времен».

письменным языком и т. п.). В хорватском языке плюсквамперфектные формы редки, вытесняются перфектом и применяются либо для архаизации стиля, либо чтобы «особо подчеркнуть предшествование в прошедшем» [Šilić, Pranjković 2007: 193]⁸; в чешском эта форма «устаревшая и исчезающая» [Havránek, Jedlička 1960: 248], она используется как «архаизирующее стилистическое средство» [PMČ 2008: 317]; в словацком языке представлена только в центральных говорах и под влиянием других диалектов существенно сокращает употребление в литературном языке после 1918 г. [Horák 1964: 295]; в польском уже в середине XVIII в. она начинает исчезать из живой речи [Klemensiewicz 1985: 620] и остается как маркированный элемент литературного языка: плюсквамперфект «прежде всего употребляется в стилистически изысканных литературных текстах, в текстах бытового характера он может не употребляться вообще» [Saloni 2007: 19]. По данным параллельного польско-русского корпуса в составе Национального корпуса русского языка, активное употребление плюсквамперфекта в польских художественных текстах прекращается в начале XX в.; в дальнейшем он является стилистической приметой отдельных авторов (например, у А. Сапковского в романах, действие которых происходит в Средневековье, он является способом легкой стилизации исторического колорита; по-видимому, в схожей функции использует плюсквамперфект, например, и украинский исторический романист В. Малик, ср. [Сичинава 2013: 313]). В словенском языке, согласно [Herrity 2000: 182], «это очень литературная форма, стилистически очень ограниченная в употреблении; она более не используется в разговорном языке, где заменяется на перфект, часто с добавлением *že*»; «антепретерит (предшествование в прошедшем) обычно выражается у словенских писателей с помощью перфекта глагола» [Rogorelec 1961].

Уже в старославянском греческий плюсквамперфект (ἐκβεβλήκει) с таксисным значением может меняться на аорист: *ѣви са прѣжде Марии Магдалини, ѡз неаже изгна ѡ бѣсъ* ‘(Иисус) явился прежде Марии Магдалине, из которой **изгнал** семь бесов’ (Марийское ев., Мк. 16:9). Даже в современном болгарском, где употребление плюсквамперфекта в таксисной функции высокочастотно, он не является обязательным способом выражения предшествования в прошедшем, характерным для европейской «последовательности времен» [Ницолова 2009]. Например, во фразе *Казах ти, че **куних** книгата* [Там же: 128] ‘Я сказал тебе, что **купил** книгу’ используется аорист. То же верно и для другого языка с «сильным» плюсквамперфектом — верхнелужицкого. Как мы уже знаем, в этом отношении он гораздо ближе к западноевропейскому стандарту, чем болгарский, но даже в нем при «относительной временной референции» (в отличие от «абсолютной») замена плюсквамперфекта на перфект даже в письменном языке нередка [Faßke, Michalk 1981: 265]. Вообще в зависимых временных клаузах последовательность времен в славянских языках достаточно стандартно выражается граммемой совершенного вида, которая уже в «гипотаксическом режиме интерпретации» [Падучева 2010] достаточна для обозначения таксиса предшествования (как это имеет место, например, в русском языке), ср. [Барентсен 2015б; Храковский 2015]. Показателен пример из параллельного корпуса («Винни-Пух» Милна):

- (1) Английский: *«Now listen all of you,» said Rabbit when he **had finished** writing.*
 ‘Ну, теперь все слушайте! — сказал Кролик, кончив писать’ (пер. Бориса Заходера).
 Болгарский: *Сега **слушайте** всички! — каза Заю, като **престана*** (аорист).
 Македонский: *«А сега **слушнете** сите», рече Зајачето, откако **заврши*** (аорист) *со пишувањето.*

В следующем предложении из нашей плюсквамперфектной анкеты (PQPQ): ‘Он вернулся туда, откуда **начал**’ — боснийский информант дает однозначный перфект: *Vratio*

⁸ Это верно не для всех языковых разновидностей на сербохорватской территории; как увидим ниже, в том числе и из материалов анкетирования, плюсквамперфект в разговорной и письменной речи многих регионов (включая хорватские) вполне активен.

se odakle je i došao (ср., однако, плюсквамперфект в этом предложении в сербской анкете: *Он се вратио онамо одакле је био кренуо*). Для болгарского языка информант допускает два варианта, с аористом и плюсквамперфектом (*Той се върна там, откъдето започна / той се върна там, откъдето беше започнал*), указывая, что эти варианты одинаково естественны: «начинание» рассматривается с перспективы момента речи или «возвращения». Вместе с тем, по словам этого же информанта, плюсквамперфект «точно нужен» вне сложного предложения. Наш македонский информант (выбравший в этом примере перфект или аорист) указывает, что в контекстах последовательности времен плюсквамперфект «звучит более литературно».

По гипотезе Т. Бергера [Berger 2012], в истории чешского языка закрепление видовой оппозиции привело к тому, что к XVIII в. претерит совершенного вида стал основным выражением предшествования, и плюсквамперфект оказался ненужным. Факультативность плюсквамперфекта в таксисном значении отмечается и в более ранних славянских текстах: например, уже в словенской Далматиновой библии 1584 г., где плюсквамперфект употреблялся очень часто и местами даже более последовательно, чем в немецком переводе Лютера, он не полностью обязателен, так как «последовательность действий обычно более или менее ясно указана самим контекстом» [Merše 1997]; в переводе 1791 г. уже большинство плюсквамперфектов меняются на перфект. В древнерусском летописании в значении предшествования в прошедшем плюсквамперфект активно конкурирует с перфектом [Петрухин 2004а] или с бессвязочными *л*-причастиями в финитном употреблении (трактовка, принятая в работах М. В. Скачедубовой).

Факультативность (или даже редкость) плюсквамперфекта и показателей ретроспективного сдвига в значении предшествования в прошедшем — типологически широко распространенная и господствующая ситуация (за пределами достаточно небольшого числа языков «средне-европейского стандарта», где это закреплено в литературной норме); ср. описание таксисных конструкций в отдельных языках в [Храковский (ред.) 2009] и резюме в [Сичинава 2013: 24].

3.2. Результат в прошедшем

Как представляется, заметно определеннее выступает славянский плюсквамперфект в контекстах результирующего состояния в прошедшем, которые типологи отделяют от таксисных (ср. [Squartini 1999]). Как отмечает применительно к болгарскому плюсквамперфекту Ю. С. Маслов, «простого хронологического предшества [...] действиям основной линии повествования бывает недостаточно для употребления плюсквамперфекта. Употребление плюсквамперфекта особенно настойчиво проводится в тех случаях, когда для говорящего или пишущего важна та или иная связь данного более раннего действия с действиями или состояниями, входящими в основную линию повествования» [Маслов 1956: 241]. Именно результированность и актуальность действия в прошедшем (а не хронологическая последовательность) является базовым значением словацкого плюсквамперфекта в центральных говорах и произведениях прозаиков-реалистов XIX в. [Horák 1964: 292].

Плюсквамперфект исторически представляет собой перенос в план прошлого значения славянского перфекта, которое, в частности, включало в себя семантику достигнутого состояния; диагностическим контекстом такого употребления («перфект-в-прошедшем») считается предложение с обстоятельством времени, которое относится к точке отсчета, а не к моменту действия. В болгарском, македонском и боснийском переводах предложение из RQRP, восходящее к известной анкете из [Dahl 1985], получило безальтернативный плюсквамперфектный перевод: болг. *Когато се прибрах вчера, той беше написал две писма*; мак. *Вчера кога стигнав дома, тој имаше написано / беше напишал две писма*; босн. *Kad sam došao kući, on je bio napisao dva pisma* 'Когда я пришел вчера домой, он написал [уже] два письма'. Этот контекст (без пояснения «уже») неоднозначен, и плюсквамперфект снимает данную

неоднозначность; без него последовательность событий, скорее всего, выглядела бы противоположным образом. Ср. факультативность плюсквамперфекта в боснийском переводе с обстоятельством времени, указывающем на момент действия: *Jeste li zatekli brata kod kuće? Ne, nismo imali sreće; otišao je / bio je otišao neposredno pred naš dolazak* ‘Застали ли вы брата дома? Нет, нам не повезло; он **ушел** как раз перед нашим приходом’, а также результативные предложения в литературном сербохорватском начала XX в. типа *Сунце je већ било превазишло подне кад је оставио варош* ‘Солнце уже **прошло** полдень, когда я покинул городок’ [Стевановић 1969/1989: 666]. В словенском языке, где в речи молодого и среднего поколения плюсквамперфект в целом утрачен, в устной речи старшего поколения отмечены предложения со значением результирующего состояния в прошедшем: *Ko sem jo klicala, je že bila pripravila recepte* ‘Когда я ей звонила, она уже **приготовила** рецепты’ (сообщено М. Ухликом). «Возникновение нового состояния» считает семантическим признаком плюсквамперфекта в словенском Б. Погорелец [Pogorelec 1961: 153], а еще в XVI в. переводчик Библии на словенский в контексте достижения состояния привносит эту форму туда, где ее нет у Лютера [Merše 1997]. По примерам видно, что указание на последовательность событий может дублироваться наречием ‘уже’ (сербохорв. *већ / već*, слвн. *že*), создающим достаточный контекст: это промежуточная стадия утраты данной формы. Ср. указание на грамматикализацию этого наречия, замещающего плюсквамперфект, в [Thomas 2000]. При переводе ряда предложений анкеты PQRQ наш информант из Боснии указал, что для передачи предшествования в независимой клаузе употребляются слова *prije (toga)* ‘до этого’; сербский информант заметил, что слова *pre, ranije* ‘раньше’ и *već* ‘уже’ синонимичны плюсквамперфекту и их употребление вместе с плюсквамперфектом избыточно.

Интересен также пример выраженного в независимой клаузе состояния в плане прошлого из параллельного корпуса, где плюсквамперфект выбран не только в болгарском и верхнелужицком, но и в тех трех славянских переводах (кашубском, македонском и хорватском), в которых эта форма используется вообще редко (кроме того, плюсквамперфект использован в этом месте и в переводе на литовский язык, где все формы перфектного ряда являются «слабыми»). Такое совпадение говорит о близости этого контекста к семантическому «инварианту» восточноевропейского плюсквамперфекта. По-видимому, в выборе плюсквамперфекта содержится также элемент снятия неоднозначности, хотя контекст (сам лексический выбор глагола ‘оставить’, логика повествования) здесь гораздо прозрачнее:

- (2) Английский: *And just when it was decided, Henry Pootel wriggled out of Kanga's arms and jumped to the ground. To his great joy Christopher Robin had left the door open.* ‘Но, едва получив новое имя, Генри Пушель вывернулся из объятий Кенги и прыгнул вниз. К его великому счастью, Кристофер Робин **оставил** дверь открытой’ (пер. Б. Заходера).

Литовский: *Ir vos tik tai buvo nuspręsta, Bonifacas Pūkelis ištrūko iš Kengos glėbio ir nišoko žemėn. Didžiausiam jo džiaugsmui, Jonukas buvo palikęs duris praviras.*

Кашубский: *⟨...⟩ Na jegò wiòłgà ùcechã Krësztòf Robin miòł òstawioné dwiérze òpen.*

Хорватский: *I upravo kad su to lijepo riješili, Rujko Pušćić izmigoljio je iz Kloina naručja i skočio na pod. Na njegovu golemu radost Christopher Robin bio je ostavio vrata otvorena.*

Македонский: *Веднаш ишом го донесоа ова решение, Хари Путел се извлече од рачете на Кенга и скокна наземи. За негова среќа Кристофер Робин беше ја оставил вратата отворена.*

Особо четко результативное значение плюсквамперфекта проявляется в контексте определенных глаголов совершенного вида, перфектные (а затем претеритальные) употребления которых имеют фактически статальную семантику. Так, в древнерусском это метафорические употребления глаголов типа *подступити*, описывающих расположение географических объектов [Петрухин 2008: 233–234]. Ср. в польском языке XIX–XX вв. примеры вроде: *Chociaż front jeszcze w styczniu przeszedł był przez te strony...* (J. Andrzejewski. *Popiół i diament*) ‘И хотя

фронт *проходил* в этих местах еще в январе...’ (пер. Н. Я. Подольской), или особенно с глаголами *zwyknąć, nawyknąć* ‘привыкнуть, приобрести привычку’, которые в грамматической форме прошедшего времени являются фактически показателями хабитуальности в настоящем (соответственно, для выражения хабитуальности в прошлом используется плюсквамперфект).

3.3. Аннулированный результат

Типологически хорошо известно, что плюсквамперфектные формы помещают ситуацию в неактуальный временной интервал (frame past или past temporal frame [Dahl 1985; Squartini 1999], или discontinued past [Plungian, van der Auwera 2006]). Это логически «усиленное» выражение прошедшего времени; если «стандартное» прошедшее время в языках мира ничего не говорит о (не)сохранении ситуации, имевшей место в прошлом, в момент речи (ср. *Вчера был дождь* или языковую игру типа *С утра был вторник*), то «неактуальное» прошедшее эксплицитно утверждает нечто о некотором последующем моменте, в котором ситуация изменилась. Почти дословно такое описание используется для плюсквамперфекта в украинском языке в [Русановский (ред.) 1986]; схожие толкования применяются и к исчезающим формам в чешском («обозначение действия в прошедшем, которое перестало иметь место или перестало иметь место его последствие» [MSJ 1966: 533]; «просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся)»⁹ [Широкова 1961: 230]) и словацком («подчеркнутое выражение плана прошлого» [Паулини 1982: 137; Маслов 1984/2004: 233]).

Класс употреблений, связанных с аннулированием достигнутого результата (частный случай «антирезультативных» значений [Плунгян 2001]), известен в большом числе языков мира [Dahl 1985] и на славянской территории является очень древним. По Г. А. Хабургаеву [1986: 204–205], «...в сохранившихся рукописях плюсквамперфект встречается довольно редко; а его употребление, как правило, подчеркивает отмену, недействительность прошлого действия или состояния к моменту последовавшего за ним действия или в связи с последующим (прошлым) состоянием, т. е. напоминает современные русские конструкции типа *хотел было, но...*»: *изгывлъ вѣ и оувѣ се* (Остромирово ев., Лк. 15:32) ‘**потерялся было**, но вновь нашелся’ («без этого оттенка плюсквамперфект здесь вообще неуместен, ибо две формы аориста в той же последовательности уже означали бы: ‘сначала пропал, а потом нашелся’»). Интересно, что в 1-м издании этого учебника Хабургаева [1974: 285] еще давалась традиционная таксисная трактовка: «он обозначал действие или состояние, предшествовавшее другому прошедшему действию или состоянию (происходившее раньше другого прошедшего действия или состояния)».

Обычна функция аннулированного результата в древнерусском (ср. «Слово о полку Игореве»: *Ти бо два храбрая Святъславича Игорьъ и Всеволодъ уже лжу убуди[ста], которую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Кіевскый — грозою бѣшетъ притрепetailъ* ‘Ведь эти два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже разбудили раздор, который усыпил было их отец [сюзерен] грозный великий Святослав Киевский, утратил было своим могуществом’), в том числе в перформативных предложениях в деловой письменности, где одна эта форма сигнализирует об отмене некоего акта или распоряжения (см. [Петрухин 2013]). Активно значение аннулирования результата и в «простой мове» Великого княжества Литовского и отчасти сохраняется в современном украинском и белорусском, а также в русском языке XVIII в., в то время как для современного русского значение

⁹ Вопрос о том, насколько плюсквамперфект может выражать просто большую временную дистанцию («давнопрошедшее» в собственном смысле слова) и не смешивается ли это значение при описании с неактуальностью, заслуживает отдельного рассмотрения. Сюда могут быть, по-видимому, отнесены контексты типа ‘в тот день я впервые увидел поезд’, например, в воспоминаниях пожилого человека (ср. в одной из сербских анкет RQPQ, Белград: *Тог дана ја сам први пут био видео воз*).

«чистой» отмены результата (?Дом *сгорел было*, но *отстроен*) в финитных предложениях не столь характерно; подробнее см. [Сичинава 2013: 218–219, 306–310]. В [Стевановић 1969/1989: 669; Thomas 2000; Поповић 2012: 116] отмечено, что такие употребления («деактуализация») являются одними из самых обычных в сербохорватском (и его языках-наследниках). Ср. их наличие в наших анкетах RQPQ по сербскому и боснийскому: *Ja sam (био) izgubio pasoa, ali sam ga našao*; *Bio sam izgubio pasoa, ali sam ga našao* (безальтернативно) ‘Я потерял паспорт, но нашел его’; *Ja sam bila kupila cipele, ali sam ih vratila* ‘Я купила туфли, но отнесла их обратно’. Информант-носитель куклицкого диалекта (остров Угљане, Хорватия) указывает, что предложение ‘Я потерял паспорт, но нашел его’ может быть передано только как *Bi san izgubi osobni, ali san je našo*, так как *izgubi san osobni* подразумевало бы, что паспорт еще не найден (это единственный случай, когда плюсквамперфект в его анкете обязателен). В болгарском плюсквамперфект в этих предложениях анкеты факультативен и зависит от того, выводится ли первое событие на передний план (аорист) или же отодвигается на задний план (плюсквамперфект), но при этом он чуть более естественен, чем аорист, в контексте, когда говорящий признает свою ошибку: *Koj donese mlyakoto?* — *Ами че ти го донесе.* — *А, да, бях забравил (забравих)!* ‘Кто принес молоко? — Ты сам и принес. — Ах да, я забыл!’ Для македонского языка все участвовавшие в опросе информанты либо не упоминают формы плюсквамперфекта в данных контекстах, либо признают их «странными».

В языке словенской Библии XVI в. одной из функций плюсквамперфекта является неактуальность результата события [Merše 1997: 15], например, в контексте «Вот, сегодня видят глаза твои, что Господь предавал (*bil dal*) тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя и сказал: не подниму руки моей на господина моего, ибо он помазанник Господа» (1 Цар. 24:11); характерен несовершенный вид в русском синодальном переводе. Аннулированный результат маркируется в ряде контекстов плюсквамперфектом в польском (противопоставление временных планов); в примере ниже форма плюсквамперфекта переводит русскую частицу *было* (которая, как это для нее характерно, отменяет результат в составе причастного оборота), хотя в подавляющем большинстве контекстов с финитным глаголом такого соответствия нет: *Szpitalni kamraci Denisowa, którzy otoczyli byli Rostowa — człowieka świeżo przybyłego z wolnego świata — jeśli się po trosze rozchodzić, gdy tylko Denisow zaczął czytać swe pismo* ‘Госпитальные товарищи Денисова, **окружившие было** Ростова — вновь прибывшее из вольного света лицо, — стали понемногу расходиться, как только Денисов стал читать свою бумагу’ (Л. Толстой, пер. А. Stawar).

3.4. Прекращенная ситуация и проблема несовершенного вида

Аннулированный результат обычно (если не считать итеративных контекстов) передается предельными глаголами совершенного вида. «Парным» к нему употреблением является так называемая «прекращенная ситуация», или *frame past* в чистом виде, которая кодируется глаголом в несовершенном виде (ср. в старославянском [Маритъ] видѣ дѣва айѣла въ бѣлахъ сѣдашта, единого оу главы і единого оу ногу, идеже бѣ лежало тѣло Исво, Маринское ев., Ин. 20:12) и в целом в славянских языках редка. О виде и плюсквамперфекте в славянских языках см. специальные работы [Барентсен 2015б] и [Сичинава 2018б].

В русском языке несовершенный вид сочетается с частицей *было* в основном с глаголами желания и попытки: *хотел было, собирался было*. Уже в болгарском такое, по данным нашей анкеты RQPQ, невозможно: *Исках (*Искал бях) тази нощ да отида на разходка* ‘Я хотел было пойти этой ночью погулять [но не пошел]’ (ср. возможность в боснийском: *Bio sam htio / htio sam otići prošetati po noći*), причем с практически синонимичным глаголом совершенного вида плюсквамперфект допустим: ^{OK}*Бях решил тази нощ да отида*

на разходка ‘Я решил было...’. В приведенном выше евангельском контексте плюсквамперфект в болгарском языке используется, поскольку имперфект имел бы таксисное значение одновременности: ...*където беше лежало тялото на Исус* [Барентсен 20156]; широко употребим болгарский плюсквамперфект несовершенного вида в контексте неактуальной экспериенциальности (см. ниже).

В истории русского языка сочетаемость несовершенного вида с плюсквамперфектом ощутимо сокращалась. В древнерусском преобладающей была форма совершенного вида, а из глаголов несовершенного вида использовалось лишь ограниченное количество, прежде всего слышати, быти, жити, видати [Чернов 1961: 61]. Позже становится лексикализованной формула *жили-были* (см. также ниже; в некоторых говорах это сочетание сохранилось: муромское *У мен’а нѣ былъ въвихъф-тъ при ней, когдѣ она ѡжыла-тъ былѣ*, ср. также данные северных говоров в [Пожарицкая 2015]), а в XX в. исчезают предложения типа *шел было и говорил было* [Сичинава 2013: 216–218]. В «простой мове» Великого княжества Литовского почти все формы с *был-* стоят в совершенном виде, причем в судебных книгах ВКЛ рядом может находиться словоформа несовершенного вида, относящаяся к тому же моменту, в обычном претерите (Ф. Р. Минлос, личное сообщение). Из современных языков форма плюсквамперфекта НСВ отмечена в сербохорватском, особенно в ранних текстах и фольклоре ([Стевановић 1989/1969: 670–671]; ср. также выше боснийский пример) и словенском [Toporišič 2000: 399], причем опять-таки чаще в языке XVI в. [Merše 1997: 15–16], хотя и там, и там относительно редка. Показательно избегание плюсквамперфекта в НСВ в сербской анкете RQPQ, в целом достаточно последовательно использующей эту форму для передачи последовательности времен: *Он је рекао да се његов (покојни) деда звао Петар (...његов покојни деда је радио у граду)* ‘Он сказал, что его (покойного) дедушку звали Петром (...его покойный дедушка работал в городе)’. В словенском литературном языке начала XX в. интересно отмеченное Топоришичем терминативное значение (*so bili že večerjali* ‘они уже отужинали’, *smo bili že molili* ‘мы уже кончили молитву’), хотя в современном языке такие контексты (даже у тех, кто употребляет плюсквамперфект) не совсем естественны. Нередок плюсквамперфект несовершенного вида, по данным корпуса ГРАК, в украинском языке (от списка русских частотных глаголов НСВ в этой конструкции украинский список отличается наличием модальных глаголов, о которых см. ниже, а также, например, глагола *знати*).

А. Барентсен предполагает, что сужение употребительности плюсквамперфекта в несовершенном виде связано с тем, что ретроспективное восприятие ситуации более естественно в целостно представляющем ее совершенном виде (чем в несовершенном, помещающем «окно наблюдения» внутрь ситуации). Исключением является история чешского языка, где в древнечешский период глаголы совершенного вида решительно преобладают (95–97%), а в литературном языке времен национального возрождения XVIII–XIX вв. их процент падает до 69–77 (см. статистику [Чернов 1961: 80–81]). По предположению Т. Бергера [Berger 2012], это связано с закреплением и однозначностью таксисного значения у чешского совершенного вида вообще, в то время как несовершенный вид может означать и одновременность. Поэтому в значении предшествования в прошедшем без ущерба для смысла стало употребляться прошедшее время совершенного вида. Тот факт, что плюсквамперфект совершенного вида не исчез вообще, Бергер объясняет немецким влиянием.

В работе [Сичинава 20186] мы показываем, что абсолютно-относительные времена (плюсквамперфект и предбудущее, о котором в связи с видом см., в частности, работу [Пенькова 2018]), эволюционируя семантически в сторону некомпозициональной нетаксисной интерпретации (интересно, что во многом дополнительные значения этих форм пересекаются, например, в области модальности, эвиденциальности, условных конструкций, дубитативной семантики в болгарском), параллельно сужают и сочетаемость с видами. Так, и в русском (конструкция с *было*) и в меньшей степени в сербохорватском характерен семантический дрейф в сторону антирезультативного значения.

3.5. Нарушение нормального хода ситуации

Конструкция с русским *было* представляет собой семантически расширенный (и несколько ослабленный) вариант показателя неактуального прошедшего: она описывает «нарушение нормального хода» [Barentsen 1986] некоторой широкой «макроситуации» [Князев 2004]. Возможны следующие сценарии: ситуация задумана, но не осуществляется; она началась, но пресекается «на корню» или в более поздний момент; ситуация может осуществиться, но ожидаемые «инерционные» последствия («возможные миры») не имеют места [Kagan 2011]. В любом из этих случаев «прерывание ее [ситуации] естественного развития, по всей видимости, всегда включено в линию повествования в качестве очередного этапа в последовательности описываемых событий» [Князев 2004: 301–302]. Принципиально схожа (при наличии ряда семантических архаизмов, а во многих регио- и идиолектах и таксисных употреблений) ситуация с украинским и белорусским плюсквамперфектом (см. [Сичинава 2013: 304–306; Храковский 2015]). По данным Генерального регионально аннотированного корпуса украинского языка (ГРАК, <http://uacorpus.org>) список наиболее частотных украинских глаголов, чаще всего отмеченных в плюсквамперфектной конструкции, как и в русском языке, включает в себя глаголы желания, попытки и начала действия (*хотів був* ‘хотел было’, *був спробував* ‘было попробовал’, *почав був* ‘начал было’, *кинувся був* ‘бросился было’), хотя имеет и существенные отличия (прежде всего наличие в этом списке модальных глаголов, о которых см. ниже, 3.10).

При переводе форм плюсквамперфекта в других языках (не только среднеевропейского стандарта, но и, скажем, весьма своеобразного плюсквамперфекта в греческом тексте Евангелия) частица *было* в русском языке (почти) не возникает и плюсквамперфектом на другие языки не переводится; у нее иные стимулы и модели перевода — глаголы попытки, обстоятельства непродолжительного протекания ситуации и т. п. [Сичинава 2013: 268–271; Барентсен 2015б].

Тем не менее прагматические импликатуры (о роли импликатур в семантике плюсквамперфекта см. [Майсак, Татевосов 2001]), предполагающие нарушение нормального развития событий и напоминающие русское *было*, есть и в южнославянских языках. Например, при переводе предложений нашей анкеты RQRQ *Давным-давно люди придумали буквы; Жили-были дед да баба. Однажды дед пошел ловить рыбу...* на болгарский язык при выборе, соответственно, плюсквамперфекта (*Хората бяха измислили буквите преди много време*) или сверхсложной формы, являющейся аористом или плюсквамперфектом пересказывательного наклонения (*Веднъж дядото бил отишъл за риба*), предполагаются продолжения, соответственно: «...а этот полез с предложением писать иероглифами», «...а старуха заметила, что в доме нет лука». В сербохорватском [Стевановић 1969/1989, Поповић 2012] такие примеры также есть: *Пошли смо били, али нас је једна четничка патрола скренула с пута* (М. Лалић, Лелејска гора) ‘Мы пошли было, но нас один патруль четников заставил повернуть с пути’; *Група људи покушала је била да се пробије мимо жандармеријског кордона који је стајао на плочницима* ‘Группа людей попыталась было обойти кордон жандармов, стоявший на мостовой’.

3.6. Авертивное значение

По-видимому, поздним и не очень типичным для славянской территории является авертивное значение («недостигнутый результат»), активное в русском языке XVIII в. (я *умер было от желудка*, см. [Сичинава 2013: 219–221]) и сохраняющееся в говорах: *Он ф сельсовети одну с мосту* (‘с лестницы’) *был спустил* (муромские говоры, запись А. В. Тер-Аванесовой); *Мы был* [sic! неизменяемая частица, застывшая в форме м. р.] *померли в сорах шестом гаду* (Задонский р-н Липецкой обл., запись И. И. Исаева и О. Е. Кармаковой).

В современном литературном языке для него требуется наречие *совсем* или *уже* (*Я, деточка, совсем было погиб* (Б. Окуджава)) или специальная конструкция *чуть было не* с факультативным *было*, о которой см. [Козлов 2015]. Ср., однако, параллель, отмечаемую в некоторых анкетах (RQ PQ) с сербохорватской территории: *Он јуче само што није био умро* (Белград, Сербия), *Jučera je zamalo (bija) umra* (Задар, Хорватия) ‘Он вчера чуть было не умер’. В польском языке в этом значении нам встретился плюсквамперфект конъюнктива — что неудивительно, ибо такие контексты по сути ирреальны: *O widzi pan, byłbym zapomniiał* (J. Andrzejewski) ‘А, чуть было совсем не забыл...’

3.7. Экспериментальное значение

С неактуальным прошедшим связано и употребление плюсквамперфекта, казалось бы, в противоположном значении — экспериментальном. Дело в том, что чаще всего здесь речь идет о прошлом опыте человека, который отменяется недавней ситуацией (так называемый «неактуальный экспериментал» [Вострикова 2010]): и прослави Бѣ въ бывшей не бѣ во нѣкоторым князь Русьскыи воевалъ землѣ Чѣшское ‘и прославил [после похода в Чехию] Господа за все случившееся, ибо [еще] ни один русский князь не воевал чешскую землю’ (Галицко-Волынская летопись по Ипат., 1254, л. 276 об.). Это значение хорошо иллюстрируется парными болгарскими, македонскими и сербскими примерами из анкеты RQ PQ: болг. *Никога не съм пил вино* / мак. *Jas nikogashi немам пиено вино* / серб. *Ja никад нисам пио вино* (перфект) ‘Я никогда не пил вина [и сейчас не буду]’; болг. *Никога не бях пил вино* / мак. *Никогаш немав пиено вино* / серб. *Ja никада нисам био пио вино*¹⁰ [Попробовав первый раз вино]. Я никогда не пил вина’. Ср. также в болгарском языке в зависимом предложении: *И изведнѣж ми се стори странно, че досега не бях чул нищо за него* [Ницолова 2009: 125] ‘И вдруг мне показалось странным, что до сих пор я не слышал ничего о нем’, или, с эксплицитным противопоставлением позднему опыту: *Да, аз убих двама души турци; аз, който муха не бях убивал* (И. Вазов) ‘Да, я убил двух турок, я, который [раньше] и мухи не убивал’ (ср. аналогичный пример с тем же глаголом из того же автора [Маслов 1956: 242]).

В дальнейшем значение «неактуального экспериментала» может распространяться и на экспериментальность в целом, что объясняет выбор плюсквамперфекта во многих языках мира. Восточнославянский сверхсложный плюсквамперфект сохраняет экспериментальные значения в западноукраинских [Толстая 2000] и русских говорах [Пожарицкая 2015]. Интересен пример из параллельного корпуса: *Ale spytaj się swego ojca, w jakie położenie popadł był kiedyś, kiedy to zamierzał zstępować...dźwigać...* [Eliza Orzeszkowa. Nad Niemnem (1886–1887)] ‘Но спроси у своего отца, в какое положение попал он однажды, когда вздумал было просвещать народ... снисходить к нему?’ (пер. В. Лаврова, 1896 г.): здесь при переводе на русский язык частица *было* добавлена к глаголу попытки (что для польского языка не характерно), а польский плюсквамперфект (‘была такая ситуация, что он попал’) переведен простым прошедшим. В следующем примере из многоязычного корпуса акцентируется повтор некоторого действия в прошлом — так называемый ямитив (термин Э. Даля, от лат. *iam* ‘уже’). Здесь форма встречается в том числе в языках со «слабым» плюсквамперфектом: хорватском и белорусском, а также в привлеченном для типологического / ареального фона литовском:

- (3) Английский: “Many happy returns of the day,” called out Pooh, forgetting that he *had said it already* ‘Желаю много-много счастья! — кричал Пух, очевидно забыв, что он уже это говорил’ (пер. Б. Заходера; обратим внимание на общефактический несовершенный вид).

¹⁰ Различие проведено только в части сербских и хорватских анкет; в анкетах других информантов оба контекста переводятся одинаково.

Литовский: — *Širdingai linkiu tau viso labo! — šaukė Pūkuotukas, visai užmiršęs, kad šiandien jau buvo sakęs tą patį.*

Белорусский: — *Зычу здароўя і радасьці, — усклікнуў Пых, забыўшыся, што ён ужо павінаваў быў Іа раней.*

Хорватский: — *Moje iskrene želje za tvoj rodendan — dovikivao je, zaboravivši da je ovo već bio rekao.*

3.8. Дискурсивные функции

Несомненно, центральное место в употреблении славянского плюсквамперфекта занимают его дискурсивные функции; «плюсквамперфект (в любом языке) — “дискурсивная категория *par excellence*”», для анализа которой нужен анализ контекста [Петрухин 2008: 214], причем форме могут приписываться различные интерпретации в зависимости от глубины этого контекста (например, могут конкурировать эвиденциальная и ретроспективная интерпретации [Андріїв 2016]). В [Pogorelec 1961] отмечается, что словенский плюсквамперфект, акцентируя внимание читателя на соотношении событий, примыкает к «экспрессивным» формам глагола (наклонения, пассив), нежели к собственно временным. В целом в языках мира плюсквамперфект (и показатели ретроспективного сдвига) маркируют ситуации, выпадающие из общей нарративной цепи, причем выполняют две противоположные функции — как выдвигения ситуаций на передний план (*foregrounding*), так и изложения фоновой информации (*backgrounding*), в том числе дигрессивных фрагментов [Плунгян 2004]. Известен даже случай (средневековая испанская повесть «Граф Луканор» [Klein-Andreu 1991; Петрухин 2004б]), где в тексте выступают две формы плюсквамперфекта, одна из которых отвечает за фоновую информацию (старая синтетическая форма на *-ra*), а другая за актуализацию (новая аналитическая). Как несколько импрессионистически отметил П.-Л. Тома, сербохорватский плюсквамперфект «задерживает читательское внимание и вводит элемент напряжения» [Thomas 2004]; сходное употребление (маркирование «темпа» повествования) наблюдается, например, в современной итальянской прозе [Bertinetto 2014].

В древнерусских текстах «летописец использует плюсквамперфект в тех случаях, когда нужно либо обозначить границу нового эпизода, либо переклестить внимание читателя на другого персонажа, либо изменить место действия» [Петрухин 2008: 231] (ср. также [Скачедубова 2016: 282–283]); в текстах на «простой мове» плюсквамперфект «маркирует в рассказе о некотором происшествии начальную точку его сюжета, акцентируя внимание на этой “завязке”» [Жукова, Шевелева 2010: 185].

С типологической точки зрения плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг являются одними из главных способов выразить дискурсивную функцию «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2013: 104–124] — частный случай *backgrounding*, маркирование начала рассказа. Классическим остатком этой функции является сказочная формула *жили-были* [Петрухин 2007]. Зачинная функция известна и в древнерусских берестяных грамотах [Зализняк 1995/2004: 175–177], и в белорусских говорах (судя по примерам, приводимым в [Карский 1956: 376]). В словенской Библии XVI в. [Mežše 1997: 13] плюсквамперфект маркирует первое звено «цепи событий» (пример начала эпизода: ‘Рувим пошел (*je pak bil shal*) во время жатвы пшеницы, и нашел мандрагоровые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей’, Быт. 30:14).

По-видимому, в ряде случаев «зачинный» плюсквамперфект (как сверхсложная, так и книжная форма) в древнерусском языке, предварительно резюмируя в начале содержание некоторого эпизода, далее дублируется нарративным изложением тех же событий (и даже той же глагольной лексемой) в немаркированном претерите, например в берестяной грамоте № 4 (XIV в.) и в Киевской летописи под 1148 г. [Сичинава 2017].

Существует правдоподобная гипотеза, согласно которой у плюсквамперфекта есть и симметричная функция подведения итогов и «суммирования» повествования в эпилоге (ср. на материале немецкого и украинского языков [Андріїв 2016: 104–105]), однако для ее доказательства нужно больше примеров и типологического контекста.

3.9. Информационная структура предложения

Последние исследования на материале корпуса показывают [Сичинава 2018a], что русское *было* является показателем фокусного (рематического) выделения глагола в предложении (ср. схожие выводы с иной аргументацией в [Попова-Боттино 2009]). Порядок слов VS типа *пошел было Пётр* связан с дислокацией ремы (ср. [Падучева 2016]), с комментированием прямой речи и рядом других особых случаев, в том числе с «тетическими» нерасчлененными предложениями, вводящими объект в рассмотрение (именно такой порядок засвидетельствован в предложениях, вводящих объект в рассмотрение при помощи плюсквамперфекта, и в древнерусских текстах). В сербохорватских текстах у плюсквамперфекта есть функция маркирования нового («контрастивного») топика, схожее отмечается и в украинском (см. подробнее [Поповић 2012: 135]).

Акцентное выделение сочетается и со значением предшествования или результата в прошлом. Так, в словенском языке плюсквамперфект особенно ярко выделяет результат действия в прошлом: *Od daleč je bila prišla mati; iz vasi je prišla...* (I. Cankar) ‘Издали **пришла** мать, пришла из деревни’ (в первом случае подчеркивается самоотверженность персонажа) [Pogorelec 1961].

3.10. Ирреальность

Типологически известны также неиндикативные употребления плюсквамперфекта: модальные (а именно ирреальные) и эвиденциальные. Первые распространены прежде всего в аподосисе и/или протасисе контрафактического условного предложения — согласно [Плунгян 2004], здесь они диахронически связаны с дигрессией и выбором между различными возможными цепочками событий. Славянские языки демонстрируют тут большое разнообразие. В болгарском языке используется обычный плюсквамперфект в протасисе контрафактического предложения, как в языках средневропейского стандарта (*Ако беше дошъл навреме, нямаше да загубим* ‘Если **бы** ты **пришел** вовремя, мы бы не проиграли’, из анкеты RQPQ), известны такие случаи и в верхнелужицком, хотя и не закреплены нормой [Werner 1996: 138], в боснийском — факультативный кондиционал плюсквамперфекта в аподосисе (то же предложение: *Da si došao na vrijeme, ne bismo (bili) izgubili*), в словенском — он же в протасисе (*Če bi bila vedela, kako so dobre, bi jih več kupila* ‘Если **бы** (я) **знала**, какие они хорошие, купила бы их больше’), в украинском (прежде всего, в западных текстах) — он же в обеих частях предложения (*Коли б Леон учув був таку бісиду при других, він би, певно, був насміявся з неї* (I. Франко) ‘Если бы Леон **услышал** эти слова при других, он, наверно, **посмеялся бы** над ними’).

Контрафактические употребления плюсквамперфекта (как и в неславянских языках, например нидерландском или шведском [Сичинава 2013: 34]) могут выступать и вне условной конструкции, ср. пример из изданной в 1932 г. во Львове новеллы «Голубая комната» П. Мериме в переводе В. Софронива: — *Левку, яке щастя! Ніколи не булаб я тебе пізнала під тими темними шклями. — Яке щастя!* — сказав Левко. — *Ніколи не був би я пізнав тебе під цим чорним серпанком* ‘— Леон, Леон, какое счастье! Я никогда **бы** вас не **узнала** в этих синих очках! — Какое счастье! — ответил Леон. — Я **бы** никогда не **узнал** вас под

этим черным вуалем!» (русс. пер. М. Кузмина¹¹). Ср. также словенский пример целевого кондиционала: *Želim, da bi bilo pismo prišlo* ‘Хочу, чтобы письмо пришло’ (этот и предыдущий словенский примеры сообщены М. Ухликом).

Ирреальные употребления кондиционала имеются в современном чешском, словацком, польском, где в иных контекстах плюсквамперфект практически не встречается, ср. чешский пример (в параллель с аналогичным словенским) из многоязычного корпуса:

(4) Словенский: *Vsak izmed vas — razen Zajca, Sove in Kenge — bi bil storil isto.*

Чешский: *Kdokoli z vás — až na Sovu, Králická a Klokani — by byl učinil totéž.*

‘Любой из вас, за исключением Кролика, Совы и Кенги, на моем месте **поступил бы** точно так же’.

Редкая праславянская форма плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом на *by*-дала начало и самому славянскому условному наклонению, выступающему, как правило, в обеих частях ирреального условного предложения (см. подробнее [Сичинава 2004, Крысько 2011], а также выше, раздел 2). В словенских пограничных диалектах как ирреальная форма грамматикализуется плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола (по-видимому, под итальянским влиянием [Benacchio 2002; Петрухин 2004в]).

Сверхсложная форма в чистом виде (без **by*- и без условного союза) выступает в ирреальной функции реже; это явление отмечено в словенских бовецких (северо-запад страны, ср., например, [Ivančič Kutin 2004: 181–182]) диалектах: *Saj sem bila rada šla, pa nimam avta* ‘Потому что я бы хотела туда поехать, но у меня нет машины’.

В польском (а также в украинском и белорусском; об украинском подробнее см. [Андріїв 2016: 145 и сл.]) плюсквамперфект оформляет прошедшее время модальных глаголов (*Ulewa musiała była przejsć* ‘Дождь, должно быть, перестал’); подобная ненормативная форма (*могло было, следовало было*) известна и в русском. Кроме того, на восточнославянской территории плюсквамперфект кодирует следующие весьма различные модальные функции: с одной стороны, вполне обычное типологически смягчение категоричности и вежливую просьбу (украинский, русский язык XVIII в.: *Я приишелъ-было къ тебѣ за тѣмъ, чтоб услышать, какъ мнѣ можно быть щастливымъ* [Московский журнал, II (1791)]), с другой стороны, грубое пожелание-проклятие (укр. *Щоб ти зів'яв був, невігласе, як та морковочка...!* (О. Довженко) ‘Чтоб ты завял, невежда, как та морковочка...!’; бел. *Бадай ты спрогоча быў, тупіца!* (Я. Колас) ‘Чтоб ты изжарился, тупица!’). Оптимативное употребление плюсквамперфекта известно в верхнелужицком, хотя и не вошло в литературную норму [Werner 1996: 138]. В болгарском отмечены значения вежливой просьбы (*Бях ви помолил да ми запазите една книга* ‘Я бы хотел взять у вас почитать одну книгу’), «мягкого императива» (*Да бяхте поспали малко!* ‘Поспали бы вы немножко!’) и ирреального оптиматива (*Ех, да бях се родил тогава!* ‘Эх, родился бы я тогда!’) [Movchan 2013: 115–117].

3.11. Эвиденциальность

Эвиденциализация плюсквамперфекта распространена в южнославянских языках, где аналогичное развитие претерпевает сама *l*-форма. Они входят в балканский ареал, а тот, в свою очередь, в так называемый «эвиденциальный пояс Старого Света»; ср. в ареальном контексте, в том числе западноевропейском [Levin-Steinmann 2004]. Прежде всего это болгарский язык, где сверхсложная форма типа (*e*) *бил чел* ‘якобы/вероятно читал’ отвечает

¹¹ В оригинале Мериме использована форма Conditionnel passé: *Léon, quel bonheur ! Jamais je ne vous aurais reconnu sous ces lunettes bleues. — Quel bonheur ! dit Léon. Jamais je ne vous aurais reconnue sous ce voile noir.*

за ряд эвиденциальных значений в плане прошедшего (ренарратив, конклюдив, дубитатив). Ср. знаменитый пример Л. Андрейчина, где выражено недоверие сообщаемой информации: *Война няма. Аз не съм чувал да има война. — Няма ло било война! Вземи вестника и ще видиш...* (цит. по [Фридман 1983: 121]) ‘Войны нет. Я не слышал, чтобы была война. — [Ну да, как же], **«нет войны»!** Возьми газету и увидишь...’. В дубитативном употреблении болгарская сверхсложная форма, как показывает русско-болгарский параллельный корпус, нередко синонимична лексическому средству — частице *уж* ‘якобы’. При этом обычный плюсквамперфект не может описывать информацию, которая ставится под сомнение: **Иван ми каза, че Петър беше дошъл, но аз не вярвам* ‘Иван сказал мне, что Петр **пришел**, но я не верю’. Кроме того, эта же форма переносит собственно плюсквамперфектные значения (в том числе ирреального условия) в контекст пересказывания чужой речи; граница между этими употреблениями не всегда очевидна.

В македонском языке сверхсложная форма носит эвиденциализированный и маргинальный характер: один из информантов в исследовании [Graves 2000: 493] употребил ее при сочетании значений ‘аннулированный результат’ и ‘эвиденциальность’. За первое значение отвечает македонский перфект с глаголом ‘иметь’, за второе — *л*-перфект (но без связки): *Кoj ја имал изградено оваа кука?* ‘Кто строил этот (разрушенный) дом?’ Возможно, те или иные семантические обертоны, связанные с выражением значения ‘косвенной засвидетельствованности’ (вывода о положении дел на основании наблюдаемых результатов), имеют место и в словенском (ср. [Pogorelec 1961]).

3.12. Итоги

Таким образом, перечисляемые в [Поповић 2012] значения сербохорватского и украинского плюсквамперфекта (таксисная функция, обозначение результата в прошлом, выражение прерванной ситуации в прошлом, деактуализация результата предыдущего действия, ретроспективная актуализация, топиализация, дигрессивная функция; ирреалис — только для украинского) все относятся к типологически известным и распространенным для плюсквамперфекта и ретроспективного сдвига вообще.

Возвращаясь к представленным выше данным А. Барентсена [2005a] о частотности плюсквамперфекта в параллельном корпусе, можно дополнительно кратко охарактеризовать преимущественную семантику форм, которые встретились в изученных нами параллельных текстах. Только верхнелужицкий (и в меньшей степени болгарский) отражает таксисное употребление, свойственное для средневропейского стандарта. В словенском (западные говоры, архаическое употребление) и чешском представлены только ирреальные контексты с плюсквамперфектом кондиционала. В наследниках сербохорватского, македонском и отчасти болгарском важную роль играет результатив в прошедшем и подчеркивание временной последовательности. В украинском и белорусском формы слишком редки, чтобы сделать определенный вывод об их частотных предпочтениях; русское *было* в большинстве межъязыковых соответствий с плюсквамперфектом не участвует.

4. Распределение семантики между альтернативными формами плюсквамперфекта

Разнообразие видо-временных форм плюсквамперфекта позволяет как конкуренцию синонимичных форм, так и достаточно четкое разграничение и специализацию. Некоторые тенденции к разграничению можно уловить и при анализе конкурирующих форм. Например, выдвигалось (в том числе классиками: А. А. Потебней и К. ван Схоневелдом) несколько гипотез относительно распределения древнерусских плюсквамперфектов с *въ* и *ваше* (обзор

см. [Сичинава 2013: 79]), но они, за исключением некоторых частных наблюдений за устойчивыми контекстами, не совсем убедительны. Эти вспомогательные глаголы продолжают сосуществовать в болгарском и лужицких, но семантической разницы между ними не усматривается [Фридман 1983: 112].

П. В. Петрухин и автор этих строк [Петрухин, Сичинава 2006] выдвинули гипотезу о древнерусских и современных русских диалектных сверхсложных формах как о специализированных показателях «неактуального прошедшего» (для которых таксисное значение, в отличие от книжного плюсквамперфекта с *бѣ/баше*, как будто бы не характерно; это бесспорно верно для современной конструкции с *было*), что вызвало нашу полемику с М. Н. Шевелевой (ср. резюме этой полемики: [Сичинава 2013: 197; Шевелева 2015]). Отмечу при этом, что семантическое пересечение между данными формами в любом случае значительно: книжный плюсквамперфект с *бѣ/баше* передает и аннулированный результат, и «сдвиг начальной точки». В сербохорватском плюсквамперфект с *беше* (*бијаше*) по мере отмирания имперфекта вытесняется сверхсложной формой; относительно семантической разницы между ними также выдвигались не очень убедительные гипотезы (якобы *беше* означает определенное время действия, а *био* неопределенное; или что *беше* передает стилистическую окраску «личного ощущения» события, свойственную имперфекту в целом, см. [Стевановић 1969/1989: 666–667]).

Наиболее ярко на славянской территории формально обособились от остальных модальные употребления плюсквамперфекта. В большинстве языков, как уже упоминалось, в кондиционал превратилась редкая форма плюсквамперфекта с *бу-* (аорист вспомогательного глагола). В сербохорватском и верхнелужицком языках она получила также значение итератива — фактически индикативной формы (как аналог семантического развития ср. англ. *would*; см. об этих формах подробнее [Thomas 2000: 128; Faßke, Michalk 1981: 266–267; Šewc 1968: 179; Werner 1996: 146–153]. В словенских диалектах Истрии, как отмечено в [Benacchio 2002] (см. также [Петрухин 2004в]), в условное наклонение, напротив, перешел плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола. На территории Словении (бовецкий говор), наконец, отмечен и третий вариант специализации ирреалиса — на базе сверхсложной формы (см. выше). Таким образом, славянская периферия с большим диалектным разнообразием демонстрирует на небольшой территории три разные стратегии грамматикализации модальности — и все три из разных форм плюсквамперфекта.

Четвертая стратегия формирования модальной формы на базе плюсквамперфекта — обособление плюсквамперфекта кондиционала, диктуемое вторичным грамматическим разграничением между ирреалисом настоящего и прошлого, изначально совпавшими (вторичным оно является, например, и в германских языках, см. [van den Nest 2010]). Примеры на эти формы см. выше, раздел 3.10.

Интересным является вопрос уже существенно более позднего семантического разграничения между согласованными и несогласованными формами на восточнославянской территории. По гипотезе С. Менгель [Менгель 2007], которую она не подкрепляет достаточным материалом, согласованные формы имеют якобы таксисное, а несогласованные — якобы «давнопрошедшее» значение. Весьма значительным является разграничение в муромских говорах между формой с неизменяемым *был* (75 % примеров антирезультативных значений) и формами типа *была пришла*, которые, зеркально, в 75 % примеров «лишены значения антирезультатива и выражают значения неактуального прошедшего, предшествования другому действию в прошлом, маркируют начало или регресс в повествовании» [Тер-Аванесова 2016]. Это направление грамматикализации вполне соответствует общему направлению формирования русского *было* на базе древнерусского плюсквамперфекта. Схожий процесс колебаний можно наблюдать *in vivo* и в современном украинском языке (см. [Сичинава 2013: 300–301]).

Наконец, можно говорить и об известных различиях плюсквамперфектных форм типа *был ушёл* и *был ушел* в тех северо-западных регионах, где они сосуществуют: так, по описанию [Рыко 2002: 183–184], только первая из них сохраняет в торопецких говорах значение результата в прошедшем.

5. Ареальный контекст

Славянские формы плюсквамперфекта демонстрируют свойства, связанные с принадлежностью к ряду ареалов и языковых союзов, охватывающих не только славянские языки. Кроме того, славянские языки влияли в этом отношении и друг на друга.

Плюсквамперфект с перфектом вспомогательного глагола (сверхсложная форма) входит в ареал аналогично устроенных форм Европы и Азии (например, *passé surcomposé* на Западе или эвиденциальные формы в тюркских и иранских языках). Данный ареал пересекает Европу с востока на запад и связан с перестройкой всей видо-временной системы, в том числе утратой простого претерита / аориста и вытеснением его перфектом (хотя, по-видимому, сверхсложные формы являются не следствием утраты претерита, как считалось начиная с [Foulet 1925], а его предвестниками). В соответствующей главе работы [Сичинава 2013: 125–166] подробно разбираются черты этого ареала в Западной Европе, в том числе семантическая привязка сверхсложных форм к значениям зоны «неактуального прошедшего» и возможность анализа второго вспомогательного глагола как показателя ретроспективного сдвига. Примеры обобщения формы вспомогательного глагола для образования ретроспективного сдвига известны как на Западе (унификация вспомогательного глагола ‘иметь’ и ‘быть’: идиш, франко-провансальский), так и на Востоке (неизменяемые формы глагола ‘быть’ типа удмуртского *вал* и подобных, которые могли оказать некоторое влияние как на форму, так и на семантику русского *было*).

В развитии на славянской территории «сильного» плюсквамперфекта с почти обязательным выражением таксиса и последовательности времен исследователи видят ареальное влияние: в случае с верхнелужицким, нормой литературного польского и чешского языков XIX в., а также, видимо, кашубским — со стороны немецкого языка [Барентсен 2005а: 147], через посредство которого данные языки примыкают к среднеевропейскому стандарту. Что касается болгарского языка, то для него иногда предполагается влияние турецкое [Там же: 153].

В свою очередь польский (и в меньшей степени даже чешский) плюсквамперфект влияли на выбор этой формы в «простой мове», а позже известно заметное количество специфических употреблений плюсквамперфекта в говорах на западе Украины и Белоруссии, в том числе и в литературных произведениях [Петрухин 2013], хотя представление об этой форме как чисто диалектной действительности не соответствует (ср. также недавнее исследование [Андріїв 2016]). Позднее на украинский и белорусский плюсквамперфект, вероятно, оказал противоположное влияние и русский язык — это выразилось в спорадическом появлении несогласуемой частицы *было*, *було*, а также в семантическом развитии, характерном для русского *было* (с сохранением ряда архаичных черт).

При сопоставлении семантики украинского и белорусского плюсквамперфекта с употреблением его в польском не всегда ясна разница между общими чертами и взаимовлиянием. Например, это касается модальных употреблений плюсквамперфекта (сочетаний с модальными глаголами и сослагательным наклонением). Возможно, сочетаемость с глаголами долженствования носит исконный характер, а с сослагательным наклонением и глаголом *могти* (известная в основном у западноукраинских писателей) — полонизм. Впрочем, эта проблема, как и вопрос о характере результативного значения в украинском плюсквамперфекте (является ли оно восточнославянским архаизмом, как полагает М. Н. Шевелева, или результатом польского влияния), нуждается в дальнейшем исследовании.

Наконец, влияние со стороны польского, украинского и/или белорусского, особенно во время масштабного культурного импульса с Запада в конце XVII — начале XVIII в., испытал и русский язык. В работе Г. А. Молькова [2016] показано, что в русском переводе «Метаморфоз» Овидия, сделанном в начале XVIII в., *en masse* частица *было* диктуется польским образцом (в таксисных контекстах), а затем при редактировании «лишние» употребления устраняются. Таксисное «западное» *было*, по-видимому, было более терпимо в стихе как *licentia poetica*; такие примеры известны и в стихотворной части перевода

«Метаморфоз», и в одной из сатир Кантемира (о которой см. подробнее [Сичинава 2013: 209–210, 224–225]). Под украинским и белорусским влиянием то или иное «нестандартное» *было* (обычно антителесное или со значением прекращенной ситуации) проникает и в русскую речь Украины и Белоруссии, чему есть свидетельства и в устной речи (ср. [Сичинава 2013: 297]), и в текстах (начиная с Г. Сковороды [Там же: 224]), в том числе в автопереводах писателей-билингвов; ср. во втором случае даже без плюсквамперфекта в оригинале: *...про горе чайки-небоги, що давно-давно колись вивела була чаєнята при битій дорозі. Про далекі чумацькі шляхи і про веселих, безжурних ніби чумаків, що все співали собі, за волами йдучи, та й зігнали чайку, чаєнят забрали* (О. Довженко) // *про горе чайки-горемыки, что давным-давно вивела было* (sic) *чайчат при широкой дороге. Про далекие чумацкие шляхи и про веселых беспечных чумаков, что все было пели* (sic), *за волами идучи, и согнали чайку, и детей забрали*. Известны случаи и согласуемого плюсквамперфекта в русском языке соседних восточнославянских стран, ср. сообщенные нам М. Романовским (Минск) примеры из белорусских интернет-форумов или СМИ типа *Нас были затопили соседи через этаж* (экспериментальное, 'однажды'); *На СССР напали были* (результатив в прошедшем, 'уже').

В словенских говорах итальянского пограничья (резьянском, надижском), где плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола выступает в функции ирреалиса вместо общеславянского кондиционала, есть основания предполагать контактное романское влияние (по сообщению М. Шекли); для молиско-славянского языка, где употребительность плюсквамперфектных форм с таксисной семантикой в переводе «Маленького принца» выше, чем во французском оригинале и каком бы то ни было другом переводе, итальянское влияние предполагает А. Барентсен [2005а: 147]. Наоборот, контактное славянское влияние на балканско-румынский плюсквамперфект (а именно на процесс перехода формы, восходящей к латинскому плюсквамперфекту на *-isse-*, в индикатив; этот процесс датируется временем не позже X в. [Десятова 2007: 61]) предполагается в работе [Elson 1997].

Эвиденциализация сверхсложной формы в болгарском (и в меньшей степени македонском) языке включает эти формы в контекст «эвиденциального пояса старого света», где, например, в персидском языке аналогичные формы (называемые Ж. Лазаром *passé surcomposé*) очень характерны; в турецком известны формы с двойным *-miş*. Во всех этих языках перфект получил эвиденциальную интерпретацию, однако с «регулярным» плюсквамперфектом этого не происходит (см. подробнее [Сичинава 2013: 163–164]). Плюсквамперфектная стратегия выражения эвиденциальности, под турецким влиянием, на Балканах известна еще в еврейско-испанском (ладино) [Aikhenvald 2004: 114]. Вместе с тем использование сверхсложной формы в конъюнктиве в пересказывательной функции есть и в немецком языке (это отмечается в работе о болгарском ренарративе [Levin-Steinmann 2004: 100ff, 249ff]), что следует относить уже к типологическому сходству.

Славянские языки (кроме болгарского, македонского и лужицких, а также, с оговорками, сербского) характеризуются полной утратой иных форм плюсквамперфекта, кроме сверхсложных, — что не характерно ни для Западной Европы (кроме, например, швейцарско-немецкого и других южнонемецких диалектов, где утрачен претерит), ни для эвиденциального пояса Азии. Как мы видели, в ходе дальнейшей эволюции видо-временных систем выходят из употребления (например, в остальных западнославянских языках и словенском) даже и сверхсложные формы. Это также находит параллель в неславянских языках Восточной Европы, испытывавших то или иное славянское влияние, — речь идет о языке идиш, примыкающем к южнонемецкой диалектной зоне (где плюсквамперфект, представленный только сверхсложной формой, описывается в грамматиках, но, например, в рассмотренном нами переводе «Винни-Пуха» Л. Вольфа 2000 г. полностью отсутствует), и венгерском, где форма с показателем ретроспективного сдвига *volt* практически вышла из употребления еще в XIX в.

Таким образом, употребление славянского плюсквамперфекта буквально пронизано взаимными контактными влияниями по всем границам — с балкано-романскими, германскими, тюркскими, финно-угорскими языками (а примыкающие к плюсквамперфекту формы

с частицей *бывало*, как мы увидим в следующем разделе, — еще и с балтийскими). Кроме того, история плюсквамперфекта обусловлена и внутренним взаимодействием между близкородственными славянскими идиомами.

6. Формы с сериализованными формами глагола *быть* и *бывать*

В орбиту характерной для плюсквамперфекта семантики также втягиваются аналогично устроенные более поздние восточнославянские формы иного происхождения, возникновением обязанные сериализации глагола типа *сидит курит* ([Вайс 2003]; ср. избыточное *есть* в ряде русских диалектов [Шевелева 2007]): это конструкции с *было* (укр. *було*, в русских муромских говорах также *был*: *И вѣтъ ко мнѣ был придѣтъ — ты щѣ к нам нейд'ѣши?*, запись А. В. Тер-Аванесовой), в том числе и при непрошедшем времени, и конструкции с *бывало*, вошедшие в русский литературный язык. Презенс от этого *бывало*, как кажется, не описан в русских говорах в составе схожей конструкции, зато известен в украинском — *буває*, лексикализованное далее как частица *бува*, с широким кругом дополнительных значений ('в случае', 'может быть', 'чего доброго'). Формы *было* и *бывало* в русских говорах также лексикализуются при помощи хорошо известного при наречиях (*давеча*, *нынче*, *теперича*) очень древнего, но сохранявшего продуктивность форманта *-ча/-че* (вероятно, родственного латинскому *-que*): *былоча* (*-е*), *бывалоча* (*-е*).

Для таких «маргинальных» форм с *было*, известных с XV в. (ср. ярко диалектный и не книжный пример *Тѣмъ же тамъ лѣтъ силно было в осенъ дождя сло много* Пск. 3 лет., 1475 г., л. 167 об. 'В тот же год осенью шли сильные дожди'), характерны «удостоверительные» контексты ('было так, что'), близкие к экспериенциальности, а также значение прекращенной ситуации и хабитуальное значение. Яркая семантика хабитуалиса в прошедшем свойственна и известной с XVII в. конструкции с *бывало*. Интересен случай, когда она переводится на украинский при помощи согласуемого плюсквамперфекта: *Я сидел, бывало, на круглом камне, под совершенно прозрачным небом // Я сидів був на круглому камені, під цілковито прозорим небом* (В. Набоков, пер. К. Васюкова).

Схожие формально и семантически конструкции имеются в смежных языках ареала: литовском (где конструкции с *budavo* представляют собой, по-видимому, славизм [Senn 1966: 454–455]) и финно-угорских, например, удмуртском (где не исключено взаимное влияние).

7. Некоторые итоги

Славянские формы плюсквамперфекта демонстрируют большое формальное разнообразие (пожалуй, более сильное, чем в каких-либо других языках; для него характерна исключительная роль сверхсложных форм по сравнению с западноевропейским и азиатским ареалами) и богатый набор типологически известной семантики, в котором центр тяжести переносится с чисто темпоральной ретроспективности (за исключением случаев разрешения неоднозначности) на прагматическую и дискурсивную маркированность (что также известно для плюсквамперфекта типологически). Разные формы плюсквамперфекта служат также альтернативными источниками грамматикализации славянского условного наклонения. Эти формы, во многих языках стремительно маргинализирующиеся и находящиеся на грани исчезновения, представляют вместе с тем важную страницу в истории славянской видо-временной системы, а детали истории их появления и эволюции позволяют прояснить более общие вопросы истории таксиса, вида и модальности в славянских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андріїв 2016 — Андріїв О. Б. Функціонування плюсквамперфекта у німецькій і давноминулому часу в українській мовах. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Івано-Франківськ, 2016 // http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/dis_andriiv.pdf [Andriiv O. B. *Funktsionuvannya plyuskvamperfekta u nimets'kii i davnominuologo chasu v ukrains'kii movakh*. [Functioning of pluperfect in German and Ukrainian.] Cand. diss. Ivano-Frankivsk, 2016. Available at: http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/dis_andriiv.pdf]
- Барентсен 2015а — Барентсен А. Наблюдения о встречаемости плюсквамперфекта в переводах евангелий на славянские языки // В пространстве лингвистической славистики. Сборник научных статей. В честь 65-летия академика Предрага Пипера, Белград: Белградский университет, 2015. С. 135–160. [Barentsen A. Observations on pluperfect occurrence in translations of the Gospels to Slavic languages. *V prostranstve lingvisticheskoi slavistiki. Sbornik nauchnykh statei. V chest' 65-letiya akademika Predraga Pipera*. Belgrad: Belgrad Univ., 2015. Pp. 135–160.]
- Барентсен 2015б — Барентсен А. Вид и плюсквамперфект в славянских языках // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. С. 14–20. [Barentsen A. Aspect and pluperfect in Slavic languages. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: Tipologiya sistem i stsennarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13–15 noyabrya 2015 g.* Pp. 14–20.]
- Вайс 2003 — Вайс Д. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 37–59. [Weiss D. Russian double verbs and their correspondences in the Finno-Ugric languages. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2003. No. 2 (6). Pp. 37–59.]
- Вострикова 2010 — Вострикова Н. В. Типология средств выражения экспериментивного значения. Диссертация... кандидата филологических наук: МГУ, 2010. [Vostrikova N. V. *Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperimentivnogo znacheniya*. Cand. diss.] Moscow: Moscow State Univ., 2010.]
- Гиппиус, Михеев (в печати) — Гиппиус А. А., Михеев С. М. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: Предварительный обзор // Церковь Благовещения на Городище: сборник (в печати). [Gippius A. A., Mikheev S. M. Graffiti inscriptions on the Annunciation Church at Gorodishche: Preliminary review. *Tserkov' Blagoveshcheniya na Gorodishche: sbornik* (in print).]
- Десятова 2007 — Десятова М. Ю. Балкано-романский глагол. М.: ПСТГУ, 2007. [Desyatova M. Yu. *Balkano-romanskii glagol* [Balkan-Romance verb]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox Univ., 2007.]
- Жукова, Шевелева 2010 — Жукова Т. С., Шевелева М. Н. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М.: МГУ, 2010. С. 171–191. [Zhukova T. S., Sheveleva M. N. «New» pluperfect in the literary texts of South-Western Russia of the 15th–16th centuries and in modern Ukrainian dialects in comparison with Great Russian dialects. *Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee. K 50-letiyu nauchnoi deyatel'nosti S. K. Pozharitskoi*. Moscow: Moscow State Univ., 2010. Pp. 171–191.]
- Зализняк 1995/2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 1995 (2-е изд. 2004). [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [The Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 1995 (2nd ed. 2004).]
- Карский 1956 — Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 2–3. Язык белорусского народа. Москва, 1956. [Karskii E. F. *Belorusy. T. 2–3. Yazyk belorusskogo naroda* [The Belarusians. Vol. 2–3. The language of the Belarusian people.] Moscow, 1956.]
- Князев 2004 — Князев Ю. П. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 296–304. [Knyazev Yu. P. Form and meaning of constructions with *bylo* particle in Russian. *Sokrovennye smysly. Slovo, tekst, kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Arutyunovoi*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 296–304.]
- Козлов 2015 — Козлов А. А. О механизме грамматикализации конструкции *чуть (было) не*. Доклад на семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании», декабрь 2015, МГУ. [Kozlov A. A. *O mekhanizme grammatikalizatsii konstruktсии chut' (bylo) ne. Doklad na seminarie «Nekotorye primeneniya matematicheskikh metodov v yazykoznanii»* [On the mechanism of grammaticalization

- of *chut' (bylo) ne* construction. A paper presented at the workshop «Some applications of mathematical methods in linguistics», December 2015, Moscow State Univ.]
- Крысько 2011 — Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник. С. 798–837. [Krys'ko V. B. Morphological features of the hagiographical part of the Sophia Prologue. *Slavyano-russkii prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaya chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sentyabr'-fevral'*. T. II: *Ukazateli. Issledovaniya*. Moscow: Azbukovnik. Pp. 798–837.]
- Майсак, Татевосов 2001 — Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Ядерные формы глагольной парадигмы // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 345–366. [Maisak T. A., Tatevosov S. G. Core forms of the verb paradigm. *Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei*. Kibrik A. E. (ed.-comp.). Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Nasledie, 2001. Pp. 345–366.]
- Маслов 1956 — Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. [Maslov Yu. S. *Ocherk bolgarskoi grammatiki* [An outline of the Bulgarian grammar]. Moscow: Izd-vo Literatury na Inostrannykh Yazykakh, 1956.]
- Маслов 1984/2004 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984; переиздано в составе: Маслов Ю. С. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 21–302. [Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1984; reissued as part of: Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 21–302.]
- Менгель 2007 — Менгель С. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 14–31. [Mengel' S. The action in progress as expressed in language of the Eastern Slavs. *Voprosy Jazykoznanija*. 2007. No. 6. Pp. 14–31.]
- Молошная 1996 — Молошная Т. Н. Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М.: Индрик, 1996. С. 564–573. [Moloshnaya T. N. Pluperfect in the system of verbal forms in modern Slavic languages. *Rusistika. Slavistika. Indoevropeistika. Sbornik k 60-letiyu A. A. Zaliznyaka*. M.: Indrik, 1996. Pp. 564–573.]
- Мольков 2016 — Мольков Г. А. Употребление частицы *было* в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка РАН, вып. X, 2016. С. 454–464. [Molkov G. A. The use of the particle *bylo* in the translation of Ovid's *Metamorphoses* at the beginning of the 18th century. *Trudy Instituta russkogo yazyka RAN*. No. X, 2016. Pp. 454–464.]
- Ницолова 2009 — Ницолова Р. Таксис в болгарском языке // Храковский В. С. (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 117–160. [Nicolova R. Taxis in Bulgarian. *Tipologiya taksisnykh konstruktсий*. Khakovskij V. S. (ed.). Moscow: Znak, 2009. Pp. 117–160.]
- Падучева 2010 — Падучева Е. В. Интерпретация форм времени в нарративном и гипотаксическом контексте // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 5–25. [Paducheva E. V. Interpretation of tense forms in the narrative and hypotactic contexts. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. No. 2 (20). Pp. 5–25.]
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов. М.: Языки славянских культур, 2016. С. 25–75. [Paducheva E. V. Communicative structure and linear-accentual transformations of the sentence (case study of Russian). *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*. Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2016. Pp. 25–75.]
- Паулини 1982 — Паулини Э. Краткая грамматика словацкого языка. М.: Высшая школа, 1982. [Paulini E. *Kratkaya grammatika slovatskogo yazyka* [A brief Slovak grammar]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1982.]
- Пенькова 2018 — Пенькова Я. А. Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности, эволюция // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 225–243. [Pen'kova Ya. A. Slavic Future II: Semantics, structural features, evolution. *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhduнародnyi s'ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. Pp. 225–243.]
- Петрухин 2004a — Петрухин П. В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. No. 28. Pp. 73–107. [Petrukhin P. V. Perfect and pluperfect in Novgorod First Chronicle, Synodal copy. *Russian Linguistics*. 2004. No. 28. Pp. 73–107.]

- Петрухин 2004б — Петрухин П. В. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Ландер Ю. А., Плу́нгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 313–329. [Petrukhin P. V. Expansion of perfect in Old Russian chronicle writing as a typological problem. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. *Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmachieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnosis, 2004. Pp. 313–329.]
- Петрухин 2004в — Петрухин П. В. Ред. на: Rosanna Benacchio, I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto. Societa Filologica Friulana, 2002 // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 134–138. [Petrukhin P. V. [Review of]: R. Benacchio. I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto. Societa Filologica Friulana, 2002. *Voprosy Jazykoznanija*. 2004. No. 6. Pp. 134–138.]
- Петрухин 2007 — Петрухин П. В. *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 268–282. [Petrukhin P. V. *Zhili-byli*: Is the issue over? *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2 (14). Pp. 268–282.]
- Петрухин 2008 — Петрухин П. В. Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // Плу́нгян В. А., Гусев В. Ю., Урманчиева А. Ю. (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М.: Индрик, 2008. С. 213–240. [Petrukhin P. V. Discursive functions of the Old Russian pluperfect (case study of the Kievian and Galician-Volynian chronicles). *Issledovaniya po teorii grammatiki*. *Vyp. 4: Diskursivnye kategorii*. Plungian V. A., Gusev V. Yu., Urmachieva A. Yu. (eds.). Moscow: Indrik, 2008. Pp. 213–240.]
- Петрухин 2013 — Петрухин П. В. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge 1, 2013. S. 74–98. [Petrukhin P. V. Towards pragmatics of the hypercomplex past tense in East Slavic writing. *Wiener Slawistischer Jahrbuch*, neue Folge 1, 2013. Pp. 74–98.]
- Петрухин, Сичинава 2006 — Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214. [Petrukhin P. V., Sitchinava D. V. «Russian pluperfect» in typological perspective. *Verenitsa liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006. Pp. 193–214.]
- Плу́нгян 2001 — Плу́нгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Плу́нгян В. А. (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88. [Plungian V. A. Antiresultative: Before and after result. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. *Vyp. 1: Grammaticheskie kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2001. Pp. 50–88.]
- Плу́нгян 2004 — Плу́нгян В. А. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ландер Ю. А., Плу́нгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 273–291. [Plungian V. A. On counterfactive uses of pluperfect. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. *Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmachieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnosis, 2004. Pp. 273–291.]
- Плу́нгян 2016 — Плу́нгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 7–36. [Plungian V. A. Towards typology of perfect in the world's languages: Preface. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Part 2. Pp. 7–36.]
- Плу́нгян, Урманчиева 2017 — Плу́нгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. Т. 6. № 2. [Plungian V. A., Urmachieva A. Yu. Perfect in Old Church Slavonic: Was it a resultative? *Slověne = Словѣне*. *International Journal of Slavic Studies* 2017. Vol. 6. No. 2.]
- Пожарицкая 2015 — Пожарицкая С. К. Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН. Т. 17. 2015. С. 373–403. [Pozharitskaya S. K. Slavic pluperfect and its evolution in some North Russian dialects. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Vol. 17. 2015. Pp. 373–403.]
- Попова-Боттино 2009 — Попова-Боттино Т. Л. Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 72–86. [Popova-Bottineau T. L. Ordering of Russian *bylo* particle in a communicative perspective. *Voprosy Jazykoznanija*. 2009. No. 4. Pp. 72–86.]
- Поповић 2012 — Поповић Љ. Функције плусквамперфекта у савременом српском и украјинском језику // Јужнословенски филолог LXVIII. 2012. С. 113–145. [Popović Lj. Functions of pluperfect in modern Serbian and Ukrainian languages. *Južnoslovenski filolog*. LXVIII. 2012. Pp. 113–145.]
- Русановский (ред.) 1986 — Русановский В. М. (ред.). Украинская грамматика. Київ: Наукова думка, 1986. [Rusanovskii V. M. (ed.). *Ukrainskaya grammatika* [Ukrainian grammar]. Kyiv: Naukova Dumka, 1986.]

- Рыко 2002 — Рыко А. И. Причастия на *-ши* в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4). С. 171–193. [Ryko A. I. Participles ending in *-shi* in one of the West Russian dialects of the Toropets-Kholm region. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2002. No. 2(4). Pp. 171–193.]
- Сичинава 2004 — Сичинава Д. В. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 292–312. [Sitchinava D. V. On the origin of the Slavic conditional. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmachieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnosis, 2004. Pp. 292–312.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya pluskvamperfekta. Slavyanskii pluskvamperfekt* [A typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST, 2013.]
- Сичинава 2016 — Сичинава Д. В. Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса // Acta Linguistica Petropolitana. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 85–114. [Sitchinava D. V. European perfect in the light of the parallel corpus. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Part 2. Pp. 85–114.]
- Сичинава 2017 — Сичинава Д. В. Письмо к Чёрту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении, № 2 (34), 2017, С. 219–228. [Sitchinava D. V. A letter to the Devil: One little-known example of the Old Russian pluperfect. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017. No. 2 (34). Pp. 219–228.]
- Сичинава 2018а — Сичинава Д. В. Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения // Rhema — Рема. 2018. № 1. С. 82–101. [Sitchinava D. V. *Bylo* particle: Word order, semantics and the information structure of the sentence. *Rhema — Rema*. 2018. No. 1. Pp. 82–101.]
- Сичинава 2018б — Сичинава Д. В. Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков // Milliariessi T. (ed.). La relation temps / aspect : approches typologique et contrastive. Lille: Université Charles de Gaulle — Lille 3, 2018. Pp. 93–99. [Sitchinava D. V. Absolute-relative tenses and their combinability with aspect in the history of Slavic languages. *La relation temps / aspect : approches typologique et contrastive*. Milliariessi T. (ed.). Lille: Université Charles de Gaulle — Lille 3, 2018. Pp. 93–99.]
- Сичинава 2018в — Сичинава Д. В. Плюсквамперфект и связанные с ним формы в славянских языках: типологические и ареальные характеристики // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 244–266. [Sitchinava D. V. Pluperfect and the related forms in Slavic languages: Typological and areal characteristics. *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady Rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. Pp. 244–266.]
- Скачедубова 2016 — Скачедубова М. В. Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. С. 280–289. [Skachedubova M. V. Pluperfect in the Hypatian Chronicle. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016»*. Vyp. 3. Moscow: Moscow Pedagogical State Univ., 2016. Pp. 280–289.]
- Скачедубова 2017 — Скачедубова М. В. К интерпретации случаев употребления *л*-формы без связи (на материале Ипатьевской летописи) // Slavistična revija, letnik 65/2017. Št. 1, januar–marec. S. 115–125. [Skachedubova M. V. On the interpretation of use of *l*-form without a copula (case study of the Hypatian Chronicle). *Slavistična revija, letnik 65/2017. Št. 1, januar–marec*. Pp. 115–125.]
- Скачедубова 2018 — Скачедубова М. В. К вопросу об отражении перфекта на *-ши* в памятниках северо-западного региона // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 5. С. 31–36. [Skachedubova M. V. On the traces of the *ši*-Perfect in the early North-Western Russian texts. *Izvestiya RAN, Serija literatury i jazyka*. 2018. Vol. 77. No. 5. Pp. 31–36.]
- Стевановић 1969/1989 — Стевановић М. Савремени српскохрватски језик: граматички системи и књижевнojeзичка норма. II. Синтакса. 4 издање. Београд: Научна књига, 1989 (1 изд. 1969). [Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik: gramatički sistemi i književnojezička norma. II. Sintaksa* [Modern Serbo-Croatian: Grammatical systems and the literary norm. II. Syntax]. 4th ed. Belgrade: Nauchna Knjiga, 1989 (1st ed. 1969).]
- Тер-Аванесова 2016 — Тер-Аванесова А. В. Формы, восходящие к плюсквамперфекту, в муромских говорах. 2016 (рукопись). [Ter-Avanesova A. V. *Formy, voskhodyashchie k pluskvamperfektu, v mуромских govorakh* [Forms going back to pluperfect in Murom dialects]. 2016. (Ms.)]

- Толстая 2000 — Толстая М. Н. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования. 1998–1999. Вып. 14. М.: Индрик, 2000. С. 134–143. [Tolstaya M. N. Pluperfect form in Ukrainian Transcarpathian dialects: Place of auxiliary verb in the sentence. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. 1998–1999. No. 14. Moscow: Indrik, 2000. Pp. 134–143.]
- Фридман 1983 — Фридман В. Значение на отдавна минало време за историята на българския език // Исторически развой на българския език. Доклади. Т. 1. София: БАН, 1983. С. 111–126. [Fridman V. The significance of pluperfect for the history of the Bulgarian language. *Istoricheski razvoi na b''lgarskiya ezik. Dokladi*. Vol. 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1983. Pp. 111–126.]
- Хабургаев 1974 — Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskij yazyk* [The Old Slavonic language]. Moscow: Prosveshchenie, 1974.]
- Хабургаев 1986 — Хабургаев Г. А. Старославянский язык. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Просвещение, 1986. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskij yazyk* [The Old Slavonic language]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prosveshchenie, 1986.]
- Храковский (ред.) 2009 — Храковский В. С. (ред.) Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruksii* [A typology of taxis constructions]. Moscow: Znack, 2009.]
- Храковский 2015 — Храковский В. С. Плюсквамперфект и конструкция с частицей *было* в восточнославянских языках // Ватрослав Ягич i проблеми слов'язнознавства: 36. наук. праць. Київ: Вид. дім Дмитра Бурого, 2015. С. 287–298. [Xrakovskij V. S. Pluperfect and the construction with *bylo* particle in East Slavic languages. *Vatroslav Yagich i problemi slov'язnoznavstva: Zb. nauk. prats'*. Kyiv: Dmitry Burago Publ., 2015. Pp. 287–298.]
- Чернов 1961 — Чернов В. И. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. Диссертация... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1961. [Chernov V. I. *Plyuskvamperfekt v istorii russkogo yazyka sravnitel'no s cheshskim i staroslavjanskim yazykami*. Kand. diss. [Pluperfect in the history of the Russian language as compared with Czech and Old Slavonic. Cand. diss.]. Leningrad: Herzen State Pedagogical Univ., 1961.]
- Черных 1953 — Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. [Chernykh P. Ya. *Jazyk Ulozheniya 1649 goda: Voprosy orfografii, fonetiki i morfologii v svyazi s istoriei Ulozhennoi knigi* [The language of the Code of Law of 1649: Orthographical, phonetical and morphological issues with respect to the history of the Code.]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953.]
- Шевелева 2007 — Шевелева М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252. [Sheveleva M. N. «Russian pluperfect» in Old Russian literary texts and in modern dialects. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2 (14). Pp. 214–252.]
- Шевелева 2015 — Шевелева М. Н. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта...» // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 180–209. [Sheveleva M. N. Some reflections on D. V. Sitchinava's book «A typology of pluperfect...». *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015. No. 2 (30). Pp. 180–209.]
- Широкова 1961 — Широкова А. Г. Чешский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. [Shirokova A. G. *Cheshskij yazyk* [The Czech language]. Moscow: Izdatel'stvo Literatury na Inostrannykh Yazykakh, 1961.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Barentsen 1986 — Barentsen A. 1986. The use of the particle БЫЛО in modern Russian. *Dutch Studies in Russian Linguistics*. Vol. 8. Amsterdam, 1986. Pp. 1–68.
- Benacchio 2002 — Benacchio R. *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Udine, 2002.
- Berger 2012 — Berger T. Tempus und Aspekt im Tschechischen der Wiedergeburtzeit // Материалы доклада, Лейпцигский университет, 2012.
- Bertinetto 2014 — Bertinetto P. M. Non-conventional uses of the Pluperfect in the Italian (and German) literary prose. Labeau E., Bres J. (eds.). *Evolution in Romance Verbal Systems*. Bern: Peter Lang, 2014. Pp. 145–170.
- Comrie 1985 — Comrie B. *Tense*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Dahl 2000 (ed.) — Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Walter de Gruyter, 2000.
- Dostál 1967 — Dostál A. *Historická mluvnická česká. Díl 2., Tvarosloví. 2. část, Časování*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1967.

- Elson 1997 — Elson M. The Romanian Pluperfect Indicative in historical perspective. *Balkanistica*. 1997. No. 10. Pp. 126–143.
- Faßke, Michalk 1981 — Faßke H., Michalk S. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*. Bautzen: Domowina, 1981.
- Foulet 1925 — Foulet L. Le développement des formes surcomposées. *Romania* 51. Pp. 203–252.
- Graves 2000 — Graves N. Macedonian — a language with three perfects? Dahl Ö. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. Pp. 479–494.
- Havránek, Jedlička 1960 — Havránek B., Jedlička A. *Česká mluvnice*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Herrity 2000 — Herrity P. *Slovene: A Comprehensive Grammar*. London: Routledge, 2000.
- Horák 1964 — Horák E. Predminuly čas v slovenčine. *Slovenska reč*. 1964. R. 29. № 5.
- Ivančič Kutin 2004 — Ivančič Kutin B. 2004. Pripovedovalci in njihove pripovedi na Bovškem. *Bovški zbornik : ob 800-letnici prve pisne omembe župnije Bovec*. Tolmin: Tolminski muzej, 2004. S. 179–196.
- Jung Hakyung 2014 — Jung Hakyung. Conditional Factors in the Development of the -vši Perfect in West Russian. Seržant I. A., Wiemer B. (eds.). *Contemporary Approaches to Dialectology: The Area of North, Northwest Russian and Belarusian Vernaculars* (Slavica Bergensia, 13). Bergen: Bergen: John Grieg AS, 2014. Pp. 195–215.
- Kagan 2011 — Kagan O. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian *Linguistics and Philosophy*. 2011. Vol. 34. Pp. 57–84.
- Klein-Andreu 1991 — Klein-Andreu F. Losing ground: A discourse-pragmatic solution to the history of *-ra* in Spanish. Fleischman S., Waugh L. R. (eds.). *Discourse pragmatics and the verb: The evidence from Romance*. London: Routledge, 1991. Pp. 164–178.
- Klemensiewicz 1985 — Klemensiewicz Z. *Historia języka polskiego*. Warszawa: PWN, 1985.
- Kryński 1910 — Kryński A. A. *Gramatyka języka polskiego*. Wyd. 5. Warszawa: M. Arcta, 1910.
- Levin-Steinmann 2004 — Levin-Steinmann A. *Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulativen l-Periphrase*. München: Sagner, 2004.
- Makūrōt 2016 — Makūrōt H. *Gramatika kaszëbsczégò jãzëka*. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 2016.
- Merše 1997 — Merše M. Predpreteklik v Dalmatinovi Bibliji. *Jezikoslovni zapiski*. Letn. 3. Št. 1. 1997. S. 9–24.
- Movchan 2013 — Movchan Y. Das Plusquamperfekt im Ukrainischen im Vergleich zum Bulgarischen. *Anzeiger für slawische Philologie*, XLI. 2013. S. 109–131.
- MSJ 1966 — *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava: Slovenská akadémia vied, 1966.
- van den Nest 2010 — van den Nest D. Should conditionals be emergent...: Asyndetic subordination in German and English as a challenge to grammaticalization research. Van Linden A., Verstraete J.-C., Davidse K. (eds.) *Formal evidence in grammaticalization research*. Amsterdam: Benjamins, 2010. Pp. 93–136.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals*, Vol. 59, 4, 2006. Pp. 317–349.
- PMČ 2008 — *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Lidové noviny, 2008.
- Pogorelec 1961 — Pogorelec B. O pluskvamperfektu v knjižni slovenščini. *Jezik in slovstvo*. Letn. 6. Št. 5. 1961. S. 152–160.
- Saloni 2007 — Saloni Z. *Czasownik polski: odmiana, słownik*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2007.
- Senn 1966 — Senn A. *Handbuch der Lithauischen Sprache. Bd. I. Grammatik*. Heidelberg: Winter, 1966.
- Silić, Pranjković 2007 — Silić J., Pranjković I. *Gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb: Školska knjiga, 2007.
- Squartini 1999 — Squartini M. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance. *Linguistic Typology* 3. 1999. Pp. 51–89.
- Šewc 1968 — Šewc H. *Gramatika hornjoserbskeje řeče*. Budyšin: Domowina, 1968.
- Thomas 2000 — Thomas P.-L. Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français. Carlier A., Lagae V., Benninger C. (eds.). *Passé et parfait* (Cahiers Chronos, 6). Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 2000. Pp. 117–131.
- Thomas 2004 — Thomas P.-L. Плусквамперфекат — жива граматичка категорија савременог српског језика? // Научни скуп слависта у Вукове дане, 33/1, 2004. С. 111–122.
- Toporišič 2000 — Toporišič J. *Slovenska slovnica*. Četrta izdaja. Maribor: Obzorja, 2000.
- Vondrák 1928 — Vondrák W. *Vergleichende slavische Grammatik*. 2. Aufl. neubearb. v. O. Grunenthal. Göttingen: Vandenhoeck, Ruprecht, 1928.
- Werner 1996 — Werner E. *Studien zum sorbischen Verbum*. Bautzen: Domowina, 1996.